

ФРИТС Х. ЮЛИУС

Ключ к пониманию произрастания растений и человеческой жизни

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДАМАСК» САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1999

ВВЕДЕНИЕ

В связи с поистине непривычным изложением тому или иному читателю возможно будет трудно правильно оценить замысел и значение данной работы. Поскольку она возникла в результате естественного развития автора, здесь целесообразно вкратце обрисовать его.

Автор получил биологическое образование, которому он обязан знанием фактов, способностью различения и чувством любви к строгой истине, но которое одновременно отняло у него всякое естественное отношение к живой природе. Для него существовало, стало быть, только две возможности: либо примириться с тем, что им было утрачено что-то очень дорогое, либо осмотреться в поисках научной формы, которая обещала бы возвращение утраченного, но на более высоком уровне. У него напрашивался вопрос: существует ли наука, способная достигать областей действительной жизни, или мы вынуждены постоянно проходить мимо нее?

Уже первое знакомство с исследованиями Рудольфа Штейнера, касающимися естественнонаучных трудов Гете, дало автору важный толчок. Здесь, казалось ему, был указан путь к такой новой науке.

Последовали годы изучения трудов Рудольфа Штейнера и Гете. Им сопутствовало серьезное стремление к более глубокому проникновению в тайны природы. Открывался мир новых понятий, новых мыслительных форм, но сверх этого развивалось также совершенно новое отношение к явлениям природы, совершенно новый род восприятия. Гете имел обыкновение с необычайной непредвзятостью рассматривать природу. Каждый феномен мог сказать ему нечто совершенно новое, нечто совсем свое. Для него было важным не то, что в размышлении над ним он сам мог сказать в объяснение его, а то, что могла поведать сама природа, если бы он сделал свою душу ее чистым зеркалом.

Такой способ рассмотрения можно назвать феноменологическим. Роль, которую играет мышление, при этом не исключается. Напротив, ибо как можно выразить язык феноменов, не овладев им с помощью мышления? При феноменологическом методе работы мышление призвано даже к особо большой активности, но по своему качеству эта активность родственна напряженному вслушиванию. Тот, кто применяет ее, пользуется своей силой не ради нее одной. Мышление выступает при этом на первый план, но только чтобы тем больше открыться тому, что хочет поведать о себе. И, конечно же, все, что переживается, с помощью мышления должно быть снова соединено в упорядоченное целое.

Иногда говорят, что отношение Гете к природе сопоставимо со своего рода физиогномикой. Как у человека по формам его лица и тела можно прочесть всевозможные вещи относительно его внутреннего существа, так Гете пытался проникнуть в природу как в живое существо, рассматривая как ее жесты наблюдаемые им вокруг себя формы, качества и процессы.

Неудивительно, что Александр Гумбольдт, с которым он был дружен, пришел к мысли написать книгу «Идеи к физиогномике растений». В сущности, для Гумбольдта, который хотел изучить и описать Землю во всех ее явлениях как великое целое, речь шла о том, чтобы этой работой развить своего рода учение о лике Земли. Он пытался, следовательно, свести весь растительный мир к ограниченному числу форм произрастания. И действительно –

точно так же, как растения можно разделить по совпадающим формам их цветов на семейства, так и растения из различных семейств можно свести по их образу жизни и строению к определенным формам произрастания.

Сколь значительна была эта мысль Гумбольдта, обнаружилось вскоре из того факта, что ее довели *ad absurdum*, выделяя все новые формы произрастания. Только гениальное видение или перенесение всех наблюдений на более глубокий план были бы в состоянии здесь найти выход.

Уже много лет автор этой книги стоит перед задачей преподавания ботаники в старших классах Свободной Вальдорфской школы в соответствии с направляющими линиями Гете и Рудольфа Штейнера. В больших обзорах, в наглядных образах надо дать ученикам впечатления от растительного покрова Земли. Большой помощью при этом было для него указание, сделанное в природоведческой публикации одного ученика Рудольфа Штейнера, о том, что, по сути дела, должно было бы существовать лишь семь главных форм произрастания. В свою очередь они выступили бы как отражения семи небесных тел, которые – согласно антропософским воззрениям – принадлежат вместе с Землей к единой планетной системе. Действительно, автору удалось получить вскоре упорядоченную и обозримую картину растительного мира. Но вместе с тем возникла также необходимость дать этой картине точную основу. Необходимо было тщательно охарактеризовать различные растительные формы, наметить их взаимные отношения и, прежде всего, показать, каким образом можно вывести их из основной формы растительного царства. Было бы возможно и даже заманчиво опереться не только на Гете, но и на более поздние работы Рудольфа Штейнера, на собственно антропософские сочинения, как это сделали уже ранее Громанн и Устери. Но в данном случае от этого пришлось почти полностью отказаться. Был поставлен вопрос; чего можно достигнуть, опираясь непосредственно на образ мыслей и восприятий Гете, а также Рудольфа Штейнера, но лишь поскольку он интерпретирует Гете? Таким образом, к работе с материалом, определению направления мыслей и формулировкам этой книги были привлечены за некоторыми исключениями только те сочинения Рудольфа Штейнера, которые были опубликованы до начала нашего столетия. Следовательно, изучение настоящей книги не предполагает ни предварительных познаний в антропософской области, ни таковых в области естественнонаучных трудов Гете. Последние рассматриваются здесь постольку, поскольку они неизбежны в качестве основ.

Разработка всего этого потребовала много времени. Результат изложен в главах I и II. Тем не менее, в качестве, так сказать, рабочей гипотезы был все-таки принят во внимание результат антропософского метода исследования – отношение растений к семи планетам. Вопрос был, следовательно, в том: в какой мере физиогномическое рассмотрение планетарных влияний может сделать феноменологически зримой и правдоподобной их связь с формами произрастания? Этому тоже было уделено много внимания. Изложение этого исследования можно найти в главе III. Во время работы все более и более обнаруживалось, что те же самые влияния, которые вызывают в растительном мире формы произрастания, могут быть найдены и в человеческой жизни, причем в форме типичного поведения и типичного образа жизни. Это привело к попытке применить и к человеку то, что было предпринято относительно растений: характеристику семи типов и раскрытие их отношений и их более глубокую основу.

Все это определяет построение книги. В первой части (главы I и II) излагается и применяется подход Гете, насколько это необходимо, для более глубокого проникновения в существо растения. Ее значительная часть посвящена формам произрастания.

Во второй части дана феноменологическая характеристика планет и показано, что в формах произрастания можно узнать отпечаток форм, в которых проявляют себя планеты (глава III).

В третьей части ищется переход от учения о растении к учению, о человеке. При этом находят применение те познания и мыслительные формы, которые были получены в связи с растениями. И обнаруживается, что мы можем воспользоваться природой как своего рода

зеркалом, которое ясно отражает образ нашего собственного существа (глава IV).

Четвертая часть рассматривает другой результат антропософского метода исследования: отношение, существующее между возрастными периодами человека и планетами. Построение целого позволяет указать на эту связь именно здесь явиться в истинном свете. Оно поновому освещает характер планетных влияний. К тому же благодаря всему предыдущему оно становится понятным так, как это едва ли бы имело место в ином случае (глава V)

В сущности, следует выделить еще пятую часть. Если серьезно стремиться к тому, на что указано в ней, она, возможно, станет самой важной из всех. В этой части кратко намечено, каким образом все изложенное ранее может стать жизненной техникой, деятельным участием в человеческом общежитии (глава V, 4).

Для кого предназначена эта книга? Для каждого, кому в области науки или на практике приходится познавать и овладевать законами жизни, А кто не занимается этим! Несомненно, научный работник в большинстве случаев не примет этого исследования всерьез. Ему, конечно, будет не трудно вскрыть всевозможные несовершенства и даже ошибки. Лишь немногие имеют мужество отказаться от метода, пригодного лишь для того, чтобы приближаться к живому лишь с его «механической стороны» (фон Икскуль), и искать путь, вводящий в жизнь как таковую, в «надмеханическое». Поэтому результаты этих исследований находятся еще в зачаточном состоянии. Именно для таких исследователей, жаждущих проникновения в глубины природы, предназначена эта книга. Хотелось бы надеяться, что она не разочарует их строгостью своего построения, своим методом и честностью выводов.

Автор воздержался от иллюстраций. Наблюдения, необходимые для понимания текста, по большей части, вероятно, будут сделаны самим читателем. Если же нет, то необходимый для этого материал наверняка можно найти вокруг в виде самих растений. В ином случае необходимую справку может дать любой учебник ботаники.

I ОПИСАНИЕ И НАБЛЮДЕНИЕ ПРОИЗРАСТАНИЯ РАСТЕНИЙ НА ОСНОВЕ УЧЕНИЯ ГЕТЕ О МЕТАМОРФОЗЕ

1. Одно стихотворение как исходный пункт исследования

Задача, которую мы ставим себе в этой книге, весьма многогранна, Области, лежащие на первый взгляд далеко друг от друга, мы стремимся увидеть с одной-единственной точки зрения

Мы стоим перед проблемой подобно путнику, который хочет одним взглядом охватить обширный ландшафт. Это возможно для него лишь после утомительного восхождения на вершину высокой горы, Мы тоже должны смотреть на себя как на такого путника: многие вещи, о которых здесь говорится, общеизвестны; это значит, что надо найти для наблюдения высоко расположенную точку, с которой все явится заново и в новой связи.

На такую высокую вершину прежде нас уже взбирался Гете. Он сообщает об этом в своем стихотворении «Метаморфоз растений». Можно было бы подумать, что он описывает в нем развитие однолетнего растения, тогда как в действительности речь идет о чудесном наглядном сведении воедино законов всего бытия растений. Это изображение того, что он называет «пра-растением», того идеального существа, из которого он выводит каждую реальную растительную форму.

В высшей степени примечательно, что под конец Гете переходит к тому, чтобы результаты, полученные при изучении растительного мира, применить к человеческой жизни. Тем самым он уже указывает, что для него дело действительно идет о такой высокой точке зрения. В стихотворении «Метаморфоз животных» он высказывает это:

Если отважитесь вы подняться со мной до вершины,
Руку я вам протяну, и взор ваш окинёт свободно
Ширь и даль природы! [1]

2. Растение среди четырех элементов

Семя – это сухое образование, мало что говорящее глазу, прозаическая, весьма осязаемая вещь. Если положить его в землю, то с ним там произойдет многое, но все будет протекать скучно и по правилам. Сначала семя впитывает воду, становится мягким и начинает набухать. Затем из кожуры выходит бледный корешок. Он вертикально углубляется в землю и, вскоре разветвляясь, начинает укрепляться между плотно лежащими одна на другой частичками почвы. Постоянно распространяясь таким образом и пронизывая почву тончайшими корешками, корневая система начинает собирать воду и почвенные соли. Посреди тонкого действия влажной сферы, прямо над землей, поднимается нежное растение. Вначале робкое, согнутое, оно тут же простодушно выпрямляется и широко разворачивает на свету свои листочки.

Затем в игре света и воздуха растение поднимается выше. И вскоре начинают действовать силы, образующие нечто очень тонкое. Высшая задача, какую они могут исполнить, – это помочь при образовании и разворачивании цветов. Нет ничего таинственнее того, что происходит там внутри, в цветке. Оно относится к самому интимному, что происходит с растением; оно очень нежно и все-таки могуче. Необходимо весьма многое, чтобы такому маленькому сухому зернышку сообщить все возможности для прорастания и дальнейшего роста. Сколь ни малы и сколь изящно ни выстроены органы цветения, они составляют средоточие огненных процессов, действующих с большой силой. Многое указывает на то, что процессы, которые действуют здесь, – это действительно тепловые процессы. Так, для быстрого созревания плода и семян необходимо много тепла. Цветочная пыльца – это весьма «сухая» субстанция, обычно даже содержащая масло и горючая. Семя часто производит впечатление, будто оно было подвергнуто легкому процессу обжигания.

Следовательно, уже при развитии отдельного растения мы видим все элементы сотрудничающими одновременно и один за другим.

Как семя растение подобно земле, и, прорастая, оно ищет в первую очередь землю.

Но только благодаря воде растение прорастает, и на потоке воды держится весь рост и все развитие листьев.

Развертывая листья, растение предоставляет воздуху столько поверхности, сколько возможно, и вступает в интенсивное взаимодействие с ним.

При образовании пыльцы, созревании плода и высыхании и созревании семени действует прежде всего тепло.

Следовательно, здесь принимают участие все четыре элемента. Понимание этого было утрачено материалистически окрашенной наукой последних столетий. Но это не значит, что природа и растения перестали считаться с ними.

3. Сущность и явление у растения -расширение и сжатие

Если мы попытаемся проникнуть в тайну роста растений, то, размышляя над ней, мы обнаружим нечто пребывающее, объединяющее не только все части одного растения, но и все растения одного вида, и, в противоположность ему, – нечто очень изменчивое.

Самым изменчивым является именно то, что дает нам большинство отправных точек, что как явление предстает восприятиям внешних чувств. Неизменное остается скрытым от нас.

Мысленно представим себе череду поколений: все снова появляется новый облик,

раскрывается, расцветает, приносит плод и умирает. Перед умиранием созревает семя, которое падает на землю и дает начало растению того же вида. Все снова мы видим, как воспринимаемый облик появляется и вновь проходит, и постоянно меняется в промежутке. Пребывающей и неизменной остается лишь способность строить новый облик. На это пребывающее направлено внимание учения о наследственности, но оно использует слишком неудовлетворительные и ограниченные методы.

Итак, в цепи поколений встречается, с одной стороны, элемент, действующий со столь же большим постоянством, сколь и с большой пластичностью, но остающийся скрытым от внешнего восприятия, а с другой – элемент, внешне проявляющий себя, но преходящий.

Мы стоим здесь перед противоположностью сущности и явления. Если мы посмотрим на развитие отдельного растения, то и здесь мы найдем в постоянном чередовании все усиливающееся вступление в состояние проявленности и новое удаление из него. Мы имеем здесь дело с совершенно всеобщим жизненным принципом. Он отчетливо выступает в строении большинства растений.

Это вхождение и выхождение можно очень сильно почувствовать ощупывая покрытый листьями стебель. Охватываешь стебель снизу и скользишь рукой вверх вдоль его первого звена. Там начинается утолщение, стеблевой узел, ведущий руку в сторону вдоль черенка листа; она скользит далее вдоль широкой поверхности листа, где движение ее заканчивается в переходе от края листа в окружающее пространство. Теперь мы вновь ищем узкое звено стебля над листом и вторично скользим нашей рукой вверх, пока у следующего узла она вновь не будет уведена в сторону, вширь и наконец в окружающее пространство. При этом, конечно, бывает множество вариаций. Некоторые звенья стебля не хотят как следует сужаться; они окрылены, то есть, снабжены довольно широкими, листовидными продольными полосами. У других растений скольжение вверх невозможно, поскольку пальцы постоянно цепляются за колючки или шипы. Могут и отсутствовать листья. Но такие вариации ничего не меняют в принципе.

У отдельных растений стебель – это то, посредством чего они выявляются меньше всего, зато широко представлены листьями. С точки зрения потока поколений стебель представляет собой нечто иное, так как именно он заботится о простирании формы в пространстве, тогда как семя являет величайшее сжатие.

В учении Гете о метаморфозе говорится еще об ином ритме расширения и сжатия – он ясно выражен в его стихотворении. Первое большое расширение начинается при прорастании и заканчивается в высшей точке постоянно нарастающего развертывания листьев, Затем следует задержка роста. Последующие листья становятся меньше и тоньше, и, наконец, имеет место сильнейшее сжатие в бутоне. За ним следует новое расширение весьма лучистого характера при развертывании цветка и затем последнее, самое сильное, сжатие в семени.

Этот внешне зримый ритм роста пересекается с другим, невидимым ритмом сил роста, протекающим прямо противоположным образом. На практике именно он имеет огромное значение. В п. 6 это будет развито конкретнее.

4. Развитие через метаморфоз и повышение

Хотя растение и живет по самым простым принципам, в форме произрастания оно редко производит однообразное впечатление. Правда, существует постоянное вхождение и выхождение, но при каждом новом проявлении оно часто – как если бы растение хотело этого – превосходит себя самого. Мы видим это на преобразовании формы от одного листа к другому.

Вполне развитый лист на стебле более выработан, тоньше очерчен, нежели лист ростка. Лепесток цветка очень нежен и благороден, он опять-таки превосходит в этом лист на стебле. Но все-таки все, что выходит из стебля растения в разные стороны, по сути своей

одно и то же – это всегда лист.

Такое постепенное изменение формы выявления одного-единственного органа мы вместе с Гете можем назвать метаморфозом. У растения, где метаморфоз ведет к более высокому развитию, можно говорить, кроме того, еще о повышении.

Низшие органы растения построены большей частью так, что могут мало сказать нам своей окраской или выявленными формами. Большой частью они довольно сильно наполнены плотной материей. Высшие же органы, – органы цветения, – крайне утонченного строения, зато бедны материей. Они сформированы, так как если бы хотели поведать нам много сокровенного. Расцветающее растение может произвести на нас впечатление подобное тому, как если бы кто-либо, кто долго молчаливо делал свою работу вдруг от всей души заговорил с нами.

5. Идеи как творящие силы

В чем же состоит то таинственное, что остается скрытым у почвы из-за преобладания материи, а в направлении вверх все больше и больше с помощью света преодолевает сопротивление вещества и наконец гласит нам формой, цветом и ароматом?

Вместе с Гете мы можем назвать это таинственное нечто идеей. Ранее мы уже назвали его сущностью, которая, как постоянно действующая сила стоит позади явления. Если же углубленное изучение природы ведет нас к деятельности идей, то эти идеи не то же самое, как если в повседневной жизни нам что-то приходит в голову и мы говорим: «У меня идея!». Даже в очень серьезном и исполненном достоинства мышлении мы получаем в лучшем случае образ истинных идей. Они – больше, чем абстрактные мысли; это силы, которые могут действовать с огненной мощью. Это существа, постоянно творящие новые формы. В конечном счете, мы можем возвести к ним всю природу и весь человеческий труд. Они суть праобразы всего, что сотворено и творится.

Идеи не чувственны, не воспринимаемы органами чувств и тем самым достижимы только в мышлении. Они вне пространства, но могут действовать в пространстве. Отдельный праобраз непрерывно и постоянно стремится осуществлять себя в новых формах. Идеи не знают инерции, покоя, им известно одно постоянно истекающее из самих себя стремление к развертыванию.

Как действуют эти силы? Нет другого примера, который учил бы нас этому лучше, чем растение. И если мы чему-нибудь от него научились, то мы приобрели весьма много для несчетного множества других областей (см.: Штейнер Р. «Геософия», гл. «Страна духов»).

Рассматривая растение так, как мы это сделали здесь, мы постоянно встречаем следы деятельности идей. Чтобы осуществлять себя в пространстве, идее необходимо взаимодействовать с материей. Материя это то, что простирается в пространстве, что наполняет пространство. Тем самым материя полностью покинула область идеи. Поэтому также материя склоняется к бесформенности, к тяжести и инерции. Материя никогда не может развить из самой себя чего-либо нового, никогда не может изменить своего состояния. Когда она предоставлена себе самой, все кончается распадом формы и распылением, всеобщим уравниванием.

Итак, что же составляет содержание жизни растения? Борьба между материей и идеей. Постепенная реализация идеи с помощью вещества, постепенная идеализация материи. Пока растение растет и цветет, до тех пор идея преодолевает материю. При старении растения идея утрачивает силу, пока совсем не погаснет при отмирании. После смерти опять царит одна материя.

6. Вертикаль и периферия у растения

а) Вертикальная и спиральная тенденции по Гете

В конце своей жизни Гете написал статью «О спиральной тенденции у растений». В то время глубокое впечатление производило открытие спиралевидных сосудов. Многие исследователи полагали, что по меньшей мере значительная часть строения растения должна объясняться спиралевидными сосудами, Один из них провел различие между вертикальной и спиральной тенденциями у растений. Гете весьма приветствовал это и счел это разъяснением того, на что он указывал уже в своих более ранних сочинениях, хотя и лишь в таких неопределенных выражениях как «господствующая сила центра» и «периферия». Как всегда, Гете хотел выводить не целое из частных, а части из целого. Вертикальная и спиральная тенденции сделались у него творящими принципами, которые в своем взаимодействии строят все растение, Наличие спиралевидных сосудов было для него признаком того, что даже в мельчайших проявлениях выразились общие принципы. Для наших дальнейших наблюдений особенно важно, что Гете мыслил себе оба этих принципа неразсторжимо связанными, но все-таки так, что у одной растительной формы перевешивает один принцип, у другой – другой.

Мы будем говорить отныне о «вертикали» и «периферии». В дальнейших рассмотрении нам нет надобности рабски следовать характеристике этих принципов у Гете, но мы будем идти далее по указанному им следу и смотреть, что мы сможем теперь найти сами.

б) Действие идеи в стебле и листе

В строении разившегося растения вертикаль имеет свою проекцию, особенно в стебле, а периферия во всем, что имеет характер листа.

Следовательно, растение несомно вверх вертикальным принципом и обязано ему своей самостоятельностью и своей внутренней связью, Своими периферийными органами оно в значительной мере обращено к окружающему.

Если судить только по внешним признакам, то вертикаль надо было бы характеризовать как наиболее постоянное в земном смысле, как больше всего проявляющееся в действительности. Зимой дерево состоит, в сущности, лишь из стеблеобразных частей и благодаря этому принадлежит царству вертикали.

В сравнении с этим периферийные органы, каковыми являются листья, необычайно изменчивы и преходящи, ибо они появляются во время развертывания весной и вновь исчезают самое позднее осенью.

Совершенно иной, более глубокий взгляд на оба принципа мы получим, посадив в почву стебель и листья и проверив тем самым их силу прорастания. Лист, который сорвали и сунули в землю, скоро увянет и начнет гнить. Есть лишь немногие исключения, как, например, листья некоторых бегоний, из которых можно получить новое растение.

Стебель же, который правильно посадили в землю, в очень многих случаях вновь пойдет в рост, Такой стебель еще полон возможностей дальнейшего роста, а в листьях стремление к росту угасло.

Мы имеем здесь дело с явлениями, по которым можем прочесть глубокие тайны природы.

Как получается, что стебель обладает резервами роста, а у вполне развитого листа они исчерпаны? Объяснению поможет более глубокое размышление относительно строения и функции, обоих. Ранней весной листья дают дереву, прежде всего большое распространение в пространстве. Когда они опадают осенью, жизнь удаляется в стебли и ствол. И фактически, стебли как бы обращены вовнутрь. Они заняты взаимодействием органов, они дают структуру облику растения, но нигде не открываются окружающему Листья всем своим строением, своими большими поверхностями и бесчисленными устьицами полностью обращены к окружающему. Лист трепещет вместе с ветром, стебель своей упругостью оказывает сопротивление всякому влиянию такого рода со стороны окружающего.

В листе растение более или менее выходит из своей собственной области и

осмеливается на связь с внешним миром. Тем самым оно покидает сферу жизни, где царит творческая сила идеи, и вступает в область, которая для него есть царство смерти. Это действие, которое растение осуществляет само, и каждое растение – целиком свойственным ему образом. Способ развертывания и всю форму листа можно рассматривать как выражение характера этого особого растения

Пока лист растет, идея действует чрезвычайно сильно. Тот факт, что через короткое время сила роста полностью угасает, указывает на то, что идея целиком и полностью исчерпана во внешней форме. Правда, она еще сохраняет способность осуществлять процессы обмена веществ, но формирующая способность уже угасла.

Стебли же, в которых материя сильнее всего отвердела и сжалась, имеют возможность еще долго продолжать жить, и обладают, кроме того большой жизнеспособностью. Здесь идея лишь немного выразила себя в форме, но благодаря этому сохранила много своих формообразующих возможностей.

В общем, мы можем сказать:

Чем сильнее сжата материя, тем сильнее возможности роста; чем больше развернута материя, тем больше исчезают возможности роста.

Здесь мы имеем, следовательно, иной аспект расширения и сжатия при росте растений, о котором мы уже упоминали (ср.1, 3). В области идеи мы также имеем расширение и сжатие, но не в пространственном смысле, а в смысле большей или меньшей возможности действия.

Там, где есть пространственное расширение, там есть идеальное сжатие, где пространственное сжатие – идеальное расширение.

Все это дает нам совсем иной взгляд на периферийные и вертикальные органы, нежели в начале этого раздела. Мы видим теперь, что идея проявляется больше всего в области периферии. Там она целиком и полностью погружена в материю. В области вертикали идея действует еще как таковая, но без чрезмерной связи с материей. Периферийные органы растения, будучи рассмотрены в аспекте идеи, суть самые реализованные части, а вертикальные части более идеальны (см. начало I, 6, Вертикаль по-земному неизменна, а периферия преходяща). Рассматриваемый таким образом стебель подобен полному пространству: идея не погружена в него, но парит вокруг как деятельная сила.

Но для того, чтобы полностью обозреть эту область, необходимо большее. Периферийные части не только простираются в окружающее. Зеленый лист берет материю из окружающего и перерабатывает ее. Благодаря этому в листьях постоянно образуется новая живая субстанция. И если мы еще раз обратим внимание на стебли, то найдем у них склонность давать возможность этой субстанции застывать и отмирать. Живой поток вещества застывает в образовании дерева и коры.

Стебель отмечен живой, формообразующей способностью и умирающим веществом; лист – живой, образующей вещество способностью и умирающей формой.

Поскольку стебель состоит из мертвой материи, он лишь приспособление, удерживающее облик в целом и, кроме того, исполняющее оберегающую, поддерживающую в надлежащем состоянии функцию. Поскольку именно там идея действует сильно, от стебля исходит сила, способствующая особенно постоянному обновлению и преобразованию формы. А как раз это последнее принадлежит глубокому существу вертикали.

в) Цветок как высшее выражение идеи

Развитие растения протекает в нормальных случаях так, что формообразующие силы все более перевешивают веществообразующие. Верхние листья становятся все меньше и отчеканиваются все тоньше.

При этом высшая точка достигается в цветке. Лепесток – это чуть ли не одна только прекрасная лучающаяся форма. Вещество здесь едва ли еще играет роль.

Весь цветок состоит из частей, являющихся очевидной метаморфозой листа.

Чашелистики, лепестки, тычинки и плодолистики – все эти части следуют друг за другом по спиралям, или мутовкам, которые включены в расширенное, внешнее окончание стебля, в цветоложе.

Внешнее проявление стебля приходит здесь к полному завершению, и все-таки существует нечто, указывающее на очень сильную деятельность внутреннего существа стебля, вертикали. Это чрезвычайно сильная метаморфоза следующих одна за другой частей цветка. Формирующая сила достигает здесь своей высшей точки. Иначе говоря: вертикаль без задержки почти целиком изливается здесь в излучающееся формообразование и у нее уже не остается силы для построения стебля. Благодаря этому периферийные части принимают вид излучающихся форм настолько сильно, что полностью утрачивают способность усваивать вещество. Здесь все сводится к огромной отдаче окружающему.

Материя в цветке сформирована в высшей степени. Материя в нем целиком и полностью возвысилась до идеи, идеализировалась. Но и идея там в высшей степени низведена в вещественную форму, реализована. Поэтому из всех органов лепестки цветка обладают и наименьшей жизненной силой.

Можно постоянно наблюдать явления, указующие на то, что жизненные силы истощаются цветком. Так, цветы наших плодовых деревьев постоянно находятся на побегах, задержанных в своем росте. Поэтому растения с чрезмерным цветением обнаруживают тот факт, что собираются отмереть.

Скоро мы увидим, что в противоположность всецелой самоотдаче цветка завязь сохраняет величайшую сдержанность и благодаря этому может защитить зачатки следующего поколения.

г) Более точная разработка идеального соотношения между частями растения

Можно многому научиться, изучая с виду простые и общеизвестные явления у растений. Говорят об узлах на стебле – это места, откуда растут листья и боковые стебли; и о звеньях – это части стебля между двумя узлами. Узлы обоснованно носят свое имя. Они настоящие узловыe пункты по строению и природному закону. У типичного стеблевого узла сбоку находится лист, а в углу, который черенок листа образует со стеблем, – пазушная почка, которая может вырасти в боковой стебель. В этом месте видно, как боковой орган, лист, возникает, чтобы установить тесную связь с окружающим. Видно, как сам стебель воздерживается от связи с окружающим, но следует дальше, чтобы на более высокой ступени вновь образовать новые органы. И, наконец, видно почку, которая вся сдерживается и в скрытой форме оберегает возможности развития. В случае надобности здесь может возникнуть не только боковой стебель, но даже новое растение.

Обратиться к миру, чтобы чего-то достичь, одновременно непоколебимо следовать далее своим внутренним путем и, наконец, еще оберегать в себе самом зачаток совершенно новых возможностей – даже благороднейший человек мог бы сделать это прообразом своего жизненного пути.

У типичного листа обнаруживается своеобразное членение, теснейшим образом связанное с изложенным только что. На первый взгляд различают широкую плоскость листа и узкий, стебле подобный черенок. При более внимательном всматривании там, где черенок переходит в стебель, то есть у основания листа, можно различить еще третью часть. Эта часть всегда более или менее широка. Порой она разрастается в мощный, пузыреобразный чехол, охватывающий стебель, как у аканта (Barenklau), а часто оказывается лишь умеренным вздутием, как у клена. Во многих случаях здесь встречаются тонко сформированные боковые листья, так называемый прилистник. Эта часть, естественно, занята прежде всего надежным креплением черенка к стеблю, но своим расширением она еще также тщательно окутывает пазушную почку. Черенок листа имеет задачей выносить плоскость листа в пространство. Сюда относится забота о необходимой транспортировке вещества и обмене веществ, кроме того черенок должен быть в состоянии осуществлять во время роста своеобразнейшие изгибы и повороты, пока наконец плоскость листа не займет

правильное положение в отношении света и тяжести. Задача плоскости листа – это вообще деятельность листа в узком смысле: предоставление большой площади соприкосновения с окружающим миром, восприятие света, обмен газов и водяных паров и образование питательных веществ.

Таким образом, в строении и функции листа мы находим весьма отчетливую трехчленность, связанную с принципами роста действующими во всем растении и выражающимися прежде всего в стеблевых узлах. Основание листа имеет особую связь с частями растения находящимися в состоянии величайшего сжатия, – почкой и семенем; черенок листа и жилки вносят вертикальный принцип в периферический орган и обеспечивают в этой связи транспортировки вещества, несущие и вытягивающие функции; лишь плоскость листа – это целиком и полностью периферия, это часть, которая больше всего распростерта вширь.

Если это знать, то проясняются вдруг всевозможные вещи. Так, например, тот факт, что чешуйки, окружающие зимние почки, являются листьями, у которых сильно развита часть у основания листа, тогда как черенок и плоскость листа отпали.

От составных частей цветка мы вправе ожидать высшего осуществления всего этого. Ведь в цветке растение достигает своего наивысшего развития, идея осуществляется здесь больше всего, становится наиболее зримой.

Красотой формы и цвета и необычайной способностью оказывать впечатление на глаз лепесток цветка, как правило, превосходит все остальные части растения. К этому присоединяется полное угасание жизнеспособности (Keimkraft), даже всей жизненной силы. Для подлинного цветочного лепестка имеет значение принцип: чем больше он раскрывается в явлении, тем скорее умирает. Лепесток цветка сделался целиком и полностью изобразительным явлением. У него мы находим полное излияние идеи в материю, высшую идеализацию вещества. Здесь, следовательно, обнаруживается высшая метаморфоза листа как периферийного органа, как органа, с помощью которого растение ищет своей связи с окружающим. Поскольку этот принцип сильнее всего представляет плоскость листа, то лепесток цветка является высшей метаморфозой плоскости листа в более специальном смысле.

Тычинки по своей форме и функции являются утонченной и повышенной метаморфозой черенка листа. Задача черенка листа – нести от стебля в пространство плоскость листа, которая должна простереться в окружающее. Тычинка должна нести пыльцу наружу, а пыльца – это ведь та часть растения, благодаря которой оно, распыляя ее, в наибольшей степени простирается в пространство.

Пестик имеет, прежде всего, задачу укрывать и оберегать семена и, следовательно, имеет благодаря этому специальную связь с основанием листа, но именно здесь мы еще раз имеем разительное указание на тройственность листа. В завязи, окутывающей семяпочку, мы находим в ее высшем развитии функцию основания листа, охранителя ростков. Подобно плоскости листа пестик находится во взаимодействии с окружающим; подобно черенку листа столбик пестика должен нести орган, осуществляющий эту связь.

Если для чувства непосредственно ясно, что цветок – это та часть растения, где внутреннее существо сильнее всего превращается во внешнее явление, то теперь это обнаружилось и для мышления (ср. I, 4).

Если отдельные части цветка без исключения представляют метаморфозу периферийных органов, то здесь тем не менее видно, как в них постоянно отражается вертикальный принцип. Цветочные лепестки – это самое периферийное. Тычинки имеют строение, а – вследствие их черенковой природы – также и характер вертикали, хотя часто они и подаются в сторону. У пестика периферия целиком сжата в вертикаль. Он состоит из одного или нескольких свернутых метаморфизированных листьев, большей частью стоящих совершенно в конце, то есть поставленных в продление стебля. Здесь, как и у стеблей, можно даже найти склонность к сосредоточению материи и отвердению.

Наконец, в семени в высшей степени развита определенная сторона вертикали. Ни одна

другая часть растения не является столь сдержанной в своем внешнем проявлении и не располагает столь богатыми возможностями развития. Поэтому семя является также исходным пунктом всякого дальнейшего развития: свое стремление к развитию оно изливает в новый стебель и поэтому является прямым продолжателем вертикального принципа.

Также у семени интересно вновь увидеть, как противоположные принципы все снова встречаются в одном месте. Семечко – это сильнее всего сжатая часть растения, но при рассеивании семян они сами претерпевают необычайно сильное распространение, а тем самым и расширение.

д) Корень

Как смотреть на корень в связи с учением Гете о метаморфозе? Это совсем не простая проблема. Сам Гете говорит об этом очень мало. К решению можно приблизиться, лишь охарактеризовав корень согласно его строению и его функции и кроме того – сравнив его с другими частями растения.

По характеру (Nutung) и форме корня всецело относятся к области вертикали. Периферийных органов не найти в корневой системе. Но направление роста противоположно направлению стебля. Кажется даже, что в корне все протекает принципиально обратно тому, чем у побегов. Шейка корня (переход от стебля к корню) являет своего рода выворот наизнанку. Пучки сосудов, которые в стебле располагаются обыкновенно далеко друг от друга по кругу, здесь стремятся к середине корня и располагаются несколько иначе.

В то время как у стебля все, что появляется впервые, возникает как утолщение поверхности, боковой корень образуется несколько глубже поверхности и должен проделывать себе отверстие, чтобы прорасти сквозь лежащие над ним слои.

У стебля верхушка, где образуются боковые органы, всегда особо защищена и обособлена от окружения. Обмен с окружающим миром имеет место лишь в лежащих ниже, вполне развитых частях. У корня боковые органы возникают в тех регионах, которые лежат несколько позади верхушки и уже обособлены от окружения. Обмен с окружением имеет место главным образом совсем близко к растущим и во всех направлениях пронизывающим почву верхушкам корней.

Вода у побега отводится наружу и покидает растение главным образом через листья и в форме испарения. Корни же, напротив, усваивают воду прямо из окружения.

Более тонкий обмен веществ между листом и окружающим происходит с помощью устьиц и примыкающего к ним заполненного воздухом, тонко разветвленного межклеточного пространства; следовательно, лист до определенной степени дает окружению проникать в себя. Обмен веществ между корнем и почвой происходит с помощью тонких корешочков, которые, выходя из одного места, срastaются с почвой вокруг себя. Следовательно, при этом нечто от растения очень сильно проникает в окружающее.

В цветке мы видели ту часть растения, где идея проступает сильнее всего. С этим связан тот факт, что цветок всегда возникает за счет жизни.

В корне идея выявляется весьма лишь немного. Соответственно, сильное развитие корня имеет следствием особенно сильную, разрастающуюся жизнь.

е) Плод и корень

Особенно проясняет дело сравнение с плодами [2], поскольку тот, в сущности, столь же своеобразной природы, что и корень, но понят может быть все-таки легче.

Плод построен из метаморфизированных листьев, из плодолистиков. Соответственно орган, состоящий целиком из периферийных частей, можно всегда найти на конце стебля и целиком в области вертикали. По существу своему периферийные органы в большей мере суть части растения, направленные наружу. Плодолистики же сложены более или менее вовнутрь и срastaются так, что охватывают семя подобно футляру. Семя – это как бы силовой центр, на который ориентирован плодолистик, как стеблевой лист – на солнце. Семя заменяет плодолистик мир. Следовательно, если мы хотим полностью понять строение

плода, мы должны рассматривать его также прежде всего изнутри. Рассматривая его только снаружи, мы занимаем позицию, при которой плод обращен к нам спиной, по отношению к которой он замкнут. Своим строением плод отвергает свое окружение. Своего рода контрударом может выглядеть то, что зрелый плод часто выбрасывает свои семена в мир

У плода, стало быть, мы имеем дело с периферийными органами, которые сжимаются в области вертикали и при этом полностью обращаются вовнутрь. Корень, который по своему строению целиком принадлежит области вертикали, с той же самоотдачей относится к почве за пределами себя, с какой плод относится к семени внутри себя.

И здесь мы тоже находим такой же контрудар, что и у плода; корень интенсивно усваивает субстанцию из окружающего, которому отдается (так как здесь все противоположно, следовало бы говорить о «противо-толчке» вместо «контр-удара»).

Следовательно, у корня мы имеем дело с вертикальными органами, которые отдаются окружению и открываются ему, как это обычно делают периферийные органы.

При образовании плода растение стягивает периферию в вертикаль. При образовании корня вертикаль излучается в область периферии.

То, что мы говорили до сих пор о плоде и корне, отчетливо лежит перед глазами. Теперь мы совершим прыжок и поищем еще более непосредственного отношения между обоими. Тем самым мы разовьем ход мысли сильно гипотетического свойства. Окажись эта гипотеза ложной, она все-таки, быть может, окажет определенное побуждение к дальнейшей постановке проблемы.

Обозревая всю динамику и драматизм, наблюдаемые при разворачивании цветов у растения, обнаруживаешь в первую очередь полную отдачу окружающему, при которой развитие растения достигает высшей точки, но одновременно и заканчивается; и за этим следует великое углубление в себя, благодаря которому становится возможно новое развитие.

Не могло ли быть так, чтобы это противоположное движение, начинающееся с образования плода, продолжалось вплоть до прорастающих семян? Тогда из непрерывного движения могут быть поняты самоуглубление плода и вывернутость и обратность происходящего у корня. Это движение, следовательно, преодолевало бы разрыв между поколениями растений. Поколения выстраивались бы динамически подобно цепи. Сперва было высшее рассеяние в свете, затем глубокий уход вовнутрь, и, продолжая это движение плода вглубь, корень ростка обращался в служении и отдаче к земле. Затем на основе этого склоняющегося жеста поднимался бы новый росток и развивался в новое растение. Следовательно, корень большей частью принадлежал бы материнскому растению, и лишь зеленая часть – новому растению.

Мы допускаем, следовательно, что при образовании плода не только периферийные органы стягиваются в область вертикали и при этом при направлении вовнутрь оказываются за пределами своей области, но что это движение продолжается в прорастающих семенах и при этом как бы делает петлю. Корень ростка перенимает это противоположное движение и по этой причине растет вертикально вниз вместо того, чтобы расти вертикально вверх, и кроме того при образовании боковых корней он изнутри постоянно простирается в область периферии.

7. Два потока в растении

Если мы исследуем, какие вещественные процессы разыгрываются в области вертикали, то есть всего имеющего вид стебля, то на первом месте мы увидим там сильное перемещение вещества.

Этим путем поддерживается живая связь между органами, находящимися на расстоянии друг от друга.

Из почвы с помощью корня поднимается мощный водный поток, который большей

частью проходит через черенки и прожилки листьев и вновь испаряется с поверхности листьев.

Из листьев идет другой, гораздо более медленный поток, текущий в стебле по всем направлениям, но прежде всего вниз. С помощью этого потока продвигаются собственно питательные вещества, которые образуются листьями из воздуха и почвенных солей, воды и солнечного света и с помощью которых растение строит свое тело. Первый поток поднимается в наименее живую часть стебля, древесную, и несет с собой соли, также как и более тонкие жизненные воздействия, проистекающие из плодородия почвы. Это движение из темной глубины в светлую высь, из земли навстречу солнцу, из плотного концентрированного состояния к тончайшему, распыленному (жидкость – испарение).

Другой поток происходит из наиболее периферийной области, оттуда, где действует солнечный свет; он устремляется вначале к центру и отчасти спускается до земли. Он меняет свет на тьму, переходит из тончайшего, самого расширенного состояния в густое, концентрированное и даже затверделое состояние. Он движется через очень живой слой ткани, луб, который, как правило, находится снаружи вокруг древесного. У его исходного пункта усваивается углекислый газ (например, выдыхаемый нами воздух), из которого под воздействием солнечного света выделяется кислород, переходящий, как пробуждающее жизнь дыхание, в пространство, в то время как из оставшегося углерода вместе с водой изготавливаются сахаристые вещества. В очень тонком растворении, то есть в текучем состоянии, этот сахар проходит через все растение и либо больше у центра, либо больше в глубине преобразуется в крахмал. Из него образуется даже благороднейший строительный материал растения – клетчатка, или целлюлоза. Это происходит, естественно, прежде всего в местах сильнейшего роста – у концов стебля и корня. Наконец, клетчатка может даже совсем отвердеть до древесного и т. п., состояний. Все растительные субстанции от совершенно мертвой коры вокруг древесного ствола вплоть до тонкой живой белковой субстанции образуются, в конечном счете, главным образом из этого потока сахара.

Поток, поднимающийся из глубины, несет в себе импульс к разрастанию жизни. Чем сильнее действует он, тем сильнее растет растение и простирается в пространстве. Это благодаря ему растение развивает лист за листом, и благодаря ему каждый лист становится мягким и большим. Очень отчетливо его действие можно видеть у срубленного березового ствола, у которого корни еще полны жизни. Они могут дать очень гибкие побеги с большими листьями, которые едва можно признать за березовые ветви. Соответствующие явления встречаются и у садовых растений, которые слишком сильно удобрялись.

Другой поток берет начало у самого излучающегося жизненного процесса: образованная субстанция применяется не только для построения тела растения, но и для того, чтобы уплотнить его и сделать твердым. Он оканчивается полу-минеральным состоянием. Первый поток можно было бы назвать потоком жизни. Внизу он берет с собой прежде всего воду и соли, то есть минералы, чтобы вверху вызвать бурный рост.

Второй поток мог бы быть назван потом смерти. Он начинается с процесса, на котором, в конечном счете, базируется вся жизнь на земле, и заканчивается в минеральном состоянии.

У Гете мы уже встречаем намеки на оба этих потока и прежде всего на связанные с ними, формирующие влияния («Метаморфоз растений», 30).

В связи с восходящим потоком он говорит о «сырых соках», в связи с другим – о чем-то, что утончает соки, но также и формы.

8. Земные и космические влияния – светлые и темные формы

Первый поток, который мы назвали потоком жизни, находится под сильнейшим влиянием воздействий из земли. Когда они перевешивают, у растения все становится большим, грубым и мало дифференцированным. Ревень, мать-и-мачеха, репейник – это растения, у которых от природы сильно преобладают земные влияния.

Земное воздействие можно сознательно усилить удобрением и влагой и содействием образованию гумуса, но оно обнаруживается также в тени благодаря ослаблению света. В общем, этим усиливается образование листьев, тогда как образование цветов сокращается. Другой поток, который мы назвали потоком смерти, находится под сильнейшим влиянием воздействий из Космоса, приносимых светом.

Когда при устойчивой теплой, солнечной погоде, или высоко в горах или на светлом песке дюн, где почвенное воздействие весьма невелико, перевешивают космические влияния, мы встречаем у растений тонкие, но прочные стебельки, очень маленькие и прекрасно отчеканенные листья и бросающиеся в глаза звездчатые цветы [3]. Если мы вытащим такое растение из земли, то найдем сильно развитую корневую систему.

Это объясняет, почему нужно сильно удобрять огород, тогда как цветочные растения лучше развиваются при менее сильном удобрении. Порой плодовые деревья не хотят уже как следует цвести, а развивают слишком много листьев. Этому часто можно помочь, несколько подрезав корни. Так как это, естественно, оказывает воздействие на все дерево, можно побудить к цветению и отдельную ветвь, несколько прижав ее. Обе операции имеют следствием уменьшение связи с почвой, благодаря чему усиливается космическое влияние.

Интересно видеть, как под воздействием земли растение поднимается и простирается в пространстве, в то время как субстанция становится относительно мягкой и как благодаря космическому влиянию она сжимается и твердеет. Стало быть, в определенном смысле, растение направляется Космосом к Земле, а Землей – прямо к Космосу. Такие обращения очень часто встречаются у растений. Можно было бы даже сказать; на них покоится жизнь растения. Под земным влиянием растение устремляется прочь от земли, под космическим влиянием растение насколько только возможно избегает распространения в световом пространстве Космоса. Но эти явления имеют еще и несколько иной аспект. О «земных» растениях можно сказать также, что они пытаются наполнить пространство материей, тогда как «космические» например в их цветах, и вообще в их утонченной форме, несут образы космических сил.

Если мы хотим действительно понять растение, то нас не должно отпугивать рассмотрение его как точки приложения находящихся в весьма сложной игре друг с другом полярно действующих сил. В каждом растении можно увидеть определенную разновидность равновесия этих сил. В некоторых случаях из-за преобладания одного полюса это соотношение может быть очень односторонним. В других случаях оба полюса, создающие равновесие, могут быть сильны, но оба могут быть и слабы. Каждый вид растения опять-таки от природы имеет склонность к иному соотношению.

Калужница всем своим строением склонна к земному. Если увидишь такую калужницу в горах, то там ее листья сформированы меньше и лучше, тогда как цветы обнаруживают более глубокую окраску. Тем не менее, в целом растение сохраняет свой земной характер.

Дикий василек с его гибким стеблем, узкими заостренными листьями и большими цветами является типично космической формой. Если такое растение поместить в очень плодородную почву, то оно станет несколько тяжелее, а листья несколько шире и мягче. И все-таки растение в целом сохранит свой космический характер.

Но есть также растения, чье равновесие находится под чрезвычайно сильным влиянием внешних условий. Примеры тому одуванчик или эдельвейс. В то время как одуванчик, растущий на плодородной затененной почве, образует большие, не зазубренные листья, его сородич на высоких дюнах являет маленькие розетки необычайно тонких, линейно-зазубренных листочков. Напротив, выращиваемый в наших садах эдельвейс является весьма заурядным растением с сочными, зелеными листьями. Он совсем утратил там свой космический характер.

Все это ведет нас к различению световых форм (Lichtformen) и темных форм (Finsternisformen), а также форм, родственных свету и родственных тьме,

Световыми мы можем назвать формы, которые возникают под преобладающим влиянием света. Темными мы называем формы, которые возникают благодаря ослаблению

света или благодаря усилению почвенного воздействия. (Следовательно, световая форма может иметь еще сильно земной характер, как, например, высокорастущая калужница).

О световой форме мы можем говорить, когда по своим задаткам или вследствие сильного влияния света растение имеет космическое строение.

О темной форме мы можем говорить, когда по своим задаткам или вследствие сильного влияния Земли растение имеет земное строение.

Лист имеет форму, родственную свету, если упор делается на вытягивание листовых прожилок (Blattnerven), в то время как края часто более или менее глубоко изрезаны. Лист имеет форму, родственную тьме, если упор делается на образование собственно субстанции листа и тем самым на расширение листа. Форма листа, родственная тьме, более или менее закругленная, плотная и сочная по субстанции и мало дифференцированная. Лист со «светлой» формой заострен и в типичных случаях сух и жесток по субстанции. Большие формы, в общем, более сродни тьме, а маленькие формы – свету

Существо этих форм можно точно понять, подумав над тем, что растение из темной, заполненной материей земли, вырастает в пронизанное светом воздушное пространство. Пока растение вытягивает свои стебли, черенки и прожилки листа, оно простирается в пространстве в согласии с законами пространства. Все, что действительно отдает себя пространству, как это делает испаряющаяся жидкость, – газ, излучаемое тепло, свет, – разлетается, излучается и переходит в распространяющееся все далее тонкое состояние. До определенной степени то же самое делает вытягивающееся растение. Поэтому растение, у которого преобладает эта сторона роста, ставит мало препятствий свету на пути.

Нечто совершенно иное выступает, когда во все стороны, исходя от прожилок листа, образуется много листовой субстанции, так что возникают махровые или даже буйно разросшиеся формы. Тогда растение наполняет пространство непроницаемой темной массой, как это делает земля. Этим оно мешает и свету на его пути.

Хороший пример светлой формы листа являет нам ясень, а темной формы – ольха. У ольхи все развитие листа – это оттеснение светлого пространства. Так, особенно вечером, видно, как на светлом небе темными пятнами выделяются листья ольхи. Протяженность главной жилки здесь настолько незначительна, а образование субстанции, которая как бы ключом бьет в стороны из жилок, преобладает настолько, что у конца листа вместо острого завершения возникает вмятина

У ясеня же главная жилка вытянута настолько, что субстанции листа не хватает, чтобы заполнить всю поверхность листа. Поэтому ей приходится разделяться на отдельные листочки. Лист ясеня составной.

Одно из свойств листа заключается в том, что через него растение вносит свою субстанцию в световое пространство. Ольха делает это столь основательно, что создается впечатление, будто она завидует свету. Ясень же, наоборот, позволяет свету проникать в такие места, где, в сущности, надо было бы ожидать субстанции листа. Поэтому, рассматривая снизу крону ясеня, видишь необыкновенно тонкую игру листьев со светом,

Порой космический и земной характер только намечен. Так, можно получить впечатление, что листья, чья широкая часть расположена ближе к стеблю, как, например, у листьев березы, космичнее, чем листья, чья широкая часть расположена ближе к кончику листа, как у листьев дуба. В целом судить о том, имеешь ли дело с космическими или земными формами, не просто. Нужно быть очень внимательным, при этом не спешить и не схематизировать. Так, в тени часто встречаются чрезвычайно выраженные составные листья, как листья лугового купыря или многих папоротников. В противоположность ясеню это формы, у которых упор делается на разрастание, на заполнение пространства. У них видно много субстанции листа и мало промежуточного пространства.

II СЕМЬ ФОРМ ПРОИЗРАСТАНИЯ КАК МЕТАМОРФОЗ ОСНОВНОЙ ФОРМЫ РАСТЕНИЯ

1. Каким образом семь форм произрастания можно представить себе развитыми благодаря метаморфозу основной формы

То, что человек смог посредством неорганического естествознания обрести такую большую силу, является следствием того, что он научился развивать образ мыслей, в высокой степени отвечающий определенной стороне действительности. Желая вести это развитие далее, нужно попытаться и в других областях также достигнуть этого соответствия. До сих пор в общем делались попытки применить также и к области жизни образ мыслей, применимый лишь к неорганической природе. У Гете и у Рудольфа Штейнера мы находим указания на то, как развить образ мыслей, с помощью которого мы сможем действительно проникнуть в область явлений жизни. В ходе нашего исследования мы уже пользовались указаниями этого рода. Но теперь мы подходим к столь важному пункту, что хотим еще раз особо указать на это. Р. Штейнер говорит: «Наука об органическом мире, если она хочет быть наукой в том смысле, в каком ею являются механика или физика, должна всюду показывать тип как самую общую форму, а затем и различные отдельные идеальные облики. Ведь механика это также свод различных законов природы, причем реальные условия принимаются сплошь гипотетически. Не иначе должно было бы быть и в науке об органическом мире. Здесь также надо было бы допустить гипотетически определенные формы, в которых развивается тип, если хочешь иметь рациональную науку. Затем надо было бы показать, каким образом эти гипотетические образования можно свести к определенной, предлежащей нашему наблюдению, форме... Можно дать типу пройти через свой ряд возможностей и затем всякий раз удерживать (гипотетически) ту или иную форму. Так можно достигнуть ряда мысленно выведенных из типа форм как содержания рациональной науки об органическом мире» («Основные черты теории познания мировоззрения Гете»).

Мы попытаемся здесь работать строго по этому методу и делать это так, чтобы мыслить рассматриваемые здесь принципы, и особенно вертикаль и периферию, в их взаимном отношении сдвинутыми в разных направлениях.

Таким путем можно мысленно вывести некоторое число форм, которые играют в природе действительно важную роль как определенные типы произрастания.

1-я форма. Эта форма, в сущности, уже рассмотрена, ибо она ближе всего к начальной форме, из которой мы исходили. В ней царит полное равновесие между вертикалью и периферией.

Ее осуществление мы находим у гармоничной формы произрастания, у травянистых растений.

2-я форма. Вертикаль перевешивает, периферия следует ей и служит. Эту форму произрастания мы встречаем у лиственных деревьев. Все, что есть стебель, мощно растет и дает растению большую устойчивость и самостоятельность. Листья остаются скромных размеров, но все вместе образуют мощную массу, потому что ветви широко несут их вокруг ствола.

3-я форма. Периферия перевешивает, вертикаль следует ей и служит. Все растение отдается склонности включиться в свое окружающее, прислониться к окружающему и образовать побольше поверхности. Это может происходить так, что листья мощно разовьются, тогда как стебель относительно них останется маленьким. Но может произойти и так, что стебель очень быстро вытянется, но при этом останется тонким и прислонится к чему-либо другому, кроме земли, – к другим растениям. Последнее лучше всего обнаруживают вьющиеся растения. Во всяком случае, к этой форме произрастания относятся растения, обнаруживающие необычайно сильное распространение вширь в сравнении с их устойчивостью.

4-я форма. Вертикаль перевешивает настолько сильно, что периферия подавляется. Стебли мощно и самостоятельно растут в высоту и становятся очень устойчивыми. Листья

не имеют возможности свободно развиваться, потому что вертикаль воздействует даже вплоть до периферии. Они остаются узкими и скоро отвердевают. Каждый лист принимает форму иглы, можно сказать даже, что каждый лист остается стеблеобразным. Можно было бы сказать, что этот тип весь обращен к самому себе. Он склонен к окоченению. Великолепнее всего эта форма произрастания у хвойных деревьев.

5-я форма. Периферия перевешивает настолько сильно, что вертикаль подавляется. Там, где должна была бы быть вертикаль, выступают процессы, принадлежащие собственно периферии. Листья отсутствуют, стебли зеленого цвета, большей частью мягкие и сильно вздутые. Они сильно распространяются в пространстве не в длину, а в ширину. Эта форма произрастания отчетливее всего обнаруживается у кактусов. 6-я форма. Вертикаль сильно устремляется вверх в пространство, периферия более или менее отстает. Упор здесь делается на стремление вертикали завоевать место в пространстве и все свое строение внедрить в свое окружение, стебли быстро выступают вперед, но мало развиваются. Они как бы бывают довольны, достигнув сильного успеха в росте и заняв какое-либо место, хотя казалось более или менее невероятным, что они достигнут его. Эту форму произрастания встречаем у кустарника.

Позже мы увидим, каким образом феномен довольно быстрого отмирания кончиков ветвей и часто выступающего образования шипов связан с предыдущим.

7-я форма. Вертикаль лишь немного проявляется в образовании стебля. Периферия исключительно быстро устремляется в своем развитии вперед, тогда как вертикаль быстро исчерпывает себя.

Этот тип выделяется быстрым переходом к цветам. Листья мало простираются вширь, стебли остаются маленькими и нежно сформированными. Этот тип роста в чистейшем виде встречается у альпийских трав или горных растений.

2. Как проявляются формы произрастания в природе

а) Прекрасную вегетацию многих трав являют наши луга. Летом, когда после сильного ливня солнце снова жарко греет, земля красуется радостной зеленью бесчисленных стеблей травы. Среди них вкраплены веселые желтые пятна лютиков и гордые маргаритки, а над ними развиваются знамена кислого щавеля искрящиеся красным цветом. Едва ли где-либо еще получишь впечатление столь сияющего, солнечного ландшафта. Это возвышенный образ здоровья и гармонии.

б) Одинокое вполне взрослое лиственное дерево производит своим величием грандиозное впечатление. Такое впечатление большей частью не вполне сознается нами, потому что мы видели уже так много деревьев и слишком отупели, чтобы постоянно удивляться им. Но если как бы в первый раз подойти к этому великану непредвзято, тогда почувствуешь глубочайшее благоговение перед ним. Он, кажется, захватил с собой внизу, на земле, большую земную силу и перековал ее в мощно несущий ствол. Вверху ветви простираются так, будто они хотели бы охватить все пространство. Дерево устроено таким образом, что летом оно вместе с солнцем затевает роскошную игру со светом и тенью. И тем более наш великан настоящий товарищ ветру. Во всевозможных настроениях можно наблюдать их в их изменчивой игре. Один раз – это легкий шелестящий вздох, на который ветви отвечают мягкими ласкающими жестами, затем, подобно титанам, они вновь бурно борются между собой. Крона, окутанная крышей из листьев, несет в себе целый мир: в каждом дереве обитает множество насекомых и птиц.

Или мы идем сквозь буковый лес. Среди этого торжественного величия возникает ощущение, как будто мы шествуем под сумрачным сводом среди рядов колонн. Вокруг нас поднимаются серые стволы, постепенно переходящие вверху в ветви, несущие плотный лиственный свод. И здесь также все свидетельствует о гордости и серьезном величии.

Или находимся в дубовом лесу. На большом расстоянии друг от друга поднимаются из

земли мощные стволы и упирают свои темные ветви с массой плотно разросшихся листьев в светлое пространство неба. И там, в промежутках, где они всюду оставляя свободное место, небо посылает на землю яркие световые пятна.

Бук окружает себя непроницаемой крышей из листьев и не дает возникнуть вокруг себя молодой жизни. Тишина в буковом лесу торжественная, но и мертвая. Здесь же, среди дубов, кажется, что все вокруг с ликованием приветствует их как покровителей. Здесь есть порхание, пение птиц, а на земле цветут бесчисленные травы. И где только удастся, растут кусты.

в) Настоящее вьющееся растение – хмель. С удлиненными неустойчивыми побегами, к которым прижимаются маленькие листья, растет он из земли. Побеги постоянно свисают и раскачиваются во все стороны, пока не найдут точку опоры – какой-нибудь шест или ствол. Тогда они обвиваются вокруг него и быстро взбираются по нему вверх. Через определенные промежутки они развивают свои листья в сильные, прекрасно сформированные поверхности. Когда вверху, в кроне принимающего его хозяина, растение достигает наконец искрящегося солнечного света, оно развивает пышную листву и в конце концов выбрасывает массу бледнозеленых цветов. Каждый год такое растение вырастает на несколько метров в высоту.

Действительно могучие ползучие растения встречаются во влажном и теплом сумраке тропических лесов, они называются там лианами. Толстыми канатами висят они между мощными стволами деревьев. Часто они достигают длины в несколько сотен метров, при этом протягиваются над кронами нескольких огромных деревьев и наконец раскрывают большей частью весьма пестрые цветы.

г) Вся северная полярная область окружена, подобно мрачно-серьезному поясу хвойными лесами. Противоположное являют высокогорные области. Каждая вершина там покрыта ярко сверкающими массами снега и льда. Несколько ниже выступают суровые каменистые породы с разбросанной там и сям нежной зеленью альпийских лугов. Еще несколько ниже – темная полоса: ели, отваживающиеся подниматься до самой границы лесов. И, наконец, еще ниже встречаешь пышные заросли лиственных лесов.

Каждая ель являет математическую строгость. Ствол поднимается прямо на большую высоту. Ветви растут из ствола аккуратно упорядоченными кругами, как будто они укреплены в тщательно просверленных отверстиях. Также и боковые ветки, отходящие от них, строго закономерно на равном расстоянии попарно устремляются в разные стороны. А маленькие веточки одеты неисчислимым количеством прикрепленных со всех сторон маленьких иголок. Здесь нет ничего от произвольной путаницы ветвей дуба, здесь нет непредвиденности форм лиственных деревьев. Вплоть до иголок строение такого дерева можно сконструировать с помощью карандаша и линейки.

А когда налетает ветер, здесь нет веселого колыхания листьев; ветви, словно увешанные тяжелым одеянием, движутся с торжественно-проповедующими жестами.

Однако благодаря своему своеобразию, эти деревья способны переносить сильные холода и тьму. Солнцу нужно лишь на короткое время проявить свою силу – и они получают ее уже довольно, чтобы снова длительное время выдерживать скудость его лучей.

Войдя в хвойный лес, чувствуешь себя попавшим в возвышенное обиталище. Ощущаешь себя оберегаемым и окутанным, и даже в сильный холод там все-таки есть что-то вроде тонкой тканипряного тепла.

Хвойные деревья не очень дружны с водой, соблазняющей растения воздушной природы пышным ростом. В своей темной окраске они перерабатывают свет в темный жар и соединяют его с твердой, сухой материей. Лишь одно – единственное хвойное дерево, тис, предоставляет воде большую сферу действия. Почти все хвойные деревья проникнуты огненной, пряминой смолой, только тис отступает от этого правила.

д) Кактусы встречаются в природе исключительно в тропиках и субтропиках Америки. Некоторые виды висят между ветвями влажных тропических лесов, некоторые забираются высоко в горы, но гораздо больше их встречается в области пустынь Мексики. Там должны были они закалиться от великой суши и от резкого света и палящего зноя чрезмерного

солнечного излучения. Они должны уметь быстро набирать воду в короткие периоды дождей и удерживать ее в течение периода длительной сухости.

Они населяют ландшафт самыми диковинными, самыми неожиданными формами. Некоторые возвышаются мощными колоннами. Другие покоятся на земле в виде огромных шаров.

Опять-таки, иные прячутся между камнями на земле, на которые они очень похожи. Некоторые выглядят как жалящие змеи и выются между другими растениями.

Многие являют желобки, отделенные друг от друга усаженными колючками ребрами. Есть другие, окруженные облаком длинных серебристых волос, так что кажется, будто они носят седые парики.

Большой частью они выглядят жестко и оборонительно, но, едва начинается цветение, они очаровывают нас своей неземной красотой. Редкостное богатство лепестков и тычинок являют нам цветы, расточающие вокруг себя прелестнейший аромат. Краски в высшей степени прекрасны и притом эфирно чисты.

Большая часть кактусовых растений очень часто груба и колюча. За свои попытки добыть сочное содержание некоторые звери, гонимые крайней нуждой, платят тяжелыми повреждениями от шипов. То, что в себе таит такое растение, оно грубо удерживает. У цветка это иначе; в полной самоотдаче он изливает свое внутреннее существо, а свой плод, который часто сладок и мясист, он дарует как изысканный дар.

е) На наших широтах в виде подлеска часто встречается кустарник, прежде всего в лесах, где много свободных мест между кронами деревьев. Порой кусты имеют тонкое строение и уже ранней весной покрываются очень нежной листвой.

Но целые ландшафты бывают покрыты кустарником лишь там, где почва суха, а небо посылает много света и тепла. Такие полосы встречаются в песчаных дюнах и далеко на юге на краю пустыни и в степных областях. Растительность становится там сухой и жесткой и переплетается между собой. Часто она защищена твердыми колючками, Почти всегда эти кустарники выглядят дикими и громоздкими и полны мертвого сухостоя и высохших ветвей; но именно при всей их дикости они часто украшают себя множеством цветов, а птиц одаряют соками ягод.

Типичные для дюн кустарники – это облепиха, барбарис, боярышник, собачья роза, бузина, бирючина.

Из всех растений кустарники самые отважные. Они отваживаются на все. Бурно посылают они свою субстанцию навстречу небу и вместе со светом образуют светлые краски своих цветов, жар и сладость своих плодов.

Горные растения намного прелестнее всех растений. Их надо искать там, где земля высоко вздымается к небу или где небесные силы опускаются совсем низко. Уже на вершинах дюн можно найти места произрастания этого вида. Почва там столь проницаема, столь кристаллична, что ее едва ли еще можно называть землей, а небо так широко, что свет льется со всех сторон. Здесь встречаются цветы, которые взирают вверх с робостью, подобно детям, сообщающим друг другу великую тайну. Вся листва меньше обычного и сжата в грациозные игрушечные формы. Цветы между ними сияют как цветные звездочки.

Но лишь очень высоко в горах встречаются настоящие заросли этого типа. Там, среди дикого камня, где солнце греет жарко лишь короткое время, но его световое воздействие сверхогромно, там можно найти родину наших скальных растений. Часто они образуют толстую подушку свежего зеленого цвета, украшенную великолепнейшими цветами.

Эта форма произрастания всегда имеет что-то чарующее. Всякий раз заново она вызывает у нас сильнейшие впечатления небесной чистоты и сияния звезд.

3. Проявления жизни у форм произрастания

а) Травы могут расти прежде всего там, где все четыре элемента находятся в

равновесии. Поэтому также они в чистейшем виде выражают в своем росте шкалу элементов (ср. 1, 2).

В своем цветении многие из них полностью отдаются движению Солнца. Головками своих цветов они следуют пути дневного светила. Надо только разок обратить внимание, сколь дружелюбно кивают тебе лесные анемоны, когда стоишь на солнечной стороне, и как безучастно отворачиваются все они, когда приближаешься к ним с другой стороны. Многие цветы раскрываются по утрам и снова закрываются в вечерних сумерках. Многие из них тускнеют, как только облака закрывают Солнце.

Многие травы слишком малы, чтобы сопережить течение всего года. Они развиваются и цветут в течение определенного отрезка времени и являют собой очаровательный портрет этого времени года. Чтобы действительно заметить соответствие этого портрета, нужно обратить внимание на невинную нежность всех весенних цветов, на гордый вид осотов (Disteln) и других летних цветов и на жаркий, строгий пламень тех, что цветут осенью. Как будто все они составляют очень тонкий инструмент, на котором играет Солнце. Каждый позволяет услышать в этом целом один единственный тон, – все вместе они звучат в одной небесной симфонии.

б) Деревья во всем своем существе преисполнены величия пространства, но являют в своем произрастании отпечаток всего течения года. Нет других растений, которые во всех своих процессах выражали бы столь совершенно взаимодействие Солнца и Земли. Не только в царстве пространства, как мы уже видели, но и во времени каждое дерево несет целый мир.

В зимнюю половину года, когда Солнце большей частью описывает свой путь под землей, деревья стоят голые. В летнюю половину года, когда бывает наоборот, они полны листвы.

Большинство деревьев распускается после дня весеннего равноденствия, в апреле и начале мая, в то время, когда вся природа наполнена нежным действием влаги. Некоторое время идет рост, затем снова затишье, пока Солнце не достигнет высшей точки стояния и летние побеги не начнут развиваться с внезапным напором.

После осеннего равноденствия спустя некоторое время листва начинает менять окраску, и уже вскоре после этого начинается листопад. В это время деревья окутаны мягким, и тем не менее, полным силы огненным процессом.

Распускание деревьев и вместе с тем распространение их в пространстве происходит, стало быть, лишь в то время, когда Солнце быстрее всего поднимается над землей. Листопад же начинается, когда Солнце устремляется вниз столь быстро, что порой кажется, будто оно все хочет погрузиться в землю. Уже начало опускания Солнца, конец июля, сопровождается легким сжатием. После того как выросли летние побеги, начинается уже и закладка зимних почек, а кроме того в течение всего лета в стволе, корнях и ветвях накапливается субстанция Глубокой осенью, после опадания листьев, деревья сжимаются не только внешне, но и весь жизненный процесс задерживается настолько, что даже самые благоприятные условия не могут подтолкнуть ветви к образованию листьев. Кажется, будто растение совершенно стало землей, минералом. Но едва только Солнце вновь начинает подниматься зимой, сок в деревьях приходит в движение, и вскоре вытягиваются и начинают пылить сережки ольхи. Тогда и другие ветви могут распуститься в комнатном тепле.

Однако дерево следует не только движению года, оно строго следует также тем законам развития, которые мы описывали в связи с метаморфозом растений, говоря о росте однолетнего растения. Следует сравнить; распускание ветви весной подобно прорастанию трав из земли, зеленая ветвь летом похожа на вполне выросшую траву. А густая окраска осенью, – не похожа ли она на появление скрытого цветения? Ведь и при цветении, в узком смысле слова, листья во многих случаях вовлекаются в общее страдание и загораются ярким пламенем. Когда затем листья опадают и из их пазух высвобождаются зимние почки, то не так ли это выглядит, как у цветка, который увядает, но сперва образует семена? Зимнее дерево с его бесчисленными почками подобно полю, полному ожидающих семян.

То, что трава предлагает больше в пространстве, дерево развивает больше в течение

времени. Трава соединяется со всеми четырьмя элементами в слоях, располагающихся один над другим; дерево испытывает их воздействие в следующих один за другим периодах. При распускании весной действует, прежде всего, вода. Дерево, полностью развернувшееся летом, развивает очень характерную игру своих листьев с воздухом. Осенние краски возникают благодаря таинственному огненному процессу. Зимой дерево – только земля.

Сколь бы мы ни рассматривали деревья, мы будем все время видеть, что они осуществляют самое великое среди растений, и тем не менее, в точности, как и другие, они должны развиваться из маленького ростка. Мы можем ожидать, что найдем именно у них особые руководящие направления развития, которые преследуют высшие цели.

Сначала росток направляет свой корень отвесно и глубоко в землю. Затем, как правило, стебелек у ростка выпрямляется, после чего оба листка у ростка раскрываются насколько возможно. Уже вскоре между ними появляются следующие листочки. В то время как листья у ростка большей частью гладкие и очень простые по форме, последующие листья пытаются вскоре усвоить типичную форму и рисунок своего вида. Лист за листом развертываются, несомые вытягивающимся вверх стеблем. Но рост имеет лишь краткую продолжительность. Пока еще нельзя распознать никакого следа величия. На первом году деревце гораздо меньше большинства трав. Краткий рост, образование нескольких листьев и маленький, но сильный стебель – этого уже достаточно. Пожалуй, это уже растение, маленькое целое, но одновременно оно должно создать основу для чего-то, что последует позже, и, таким образом, это все-таки часть чего-то большего. В то время как травы завершают свое развитие, и достигают своей вершины в цветении, деревце уже ранним летом образует на своей верхушке тщательно закрытую завершающую почку. Это выглядит так, как будто оно хотело бы подождать, даже и при устойчивой благоприятной погоде; в действительности же оно начинает собирать и накапливать строящие вещества. То, что было выстроено, будь даже оно еще очень мало, сильно отвердевает и подготавливается для долгого будущего. Стволик деревенеет, и во всевозможных скрытых местах откладываются запасы питания. Даже в пазухе каждого листа образуется еще маленькая почка. Когда осенью погода станет менее благоприятна, деревце сбросит свои листья; но с твердым стволиком и хорошо закрытыми почками оно сможет выстоять в зимние холода.

На второй год оно вновь открывает свои почки. Оно делает это не так рано, как многие воздушные весенние растения, которые очень быстро расцветают и чьи листья опадают уже через несколько недель. Из завершающей почки развивается особенно сильный росток, который растет прямо вверх и образует стебель, несколько более длинный, чем в предыдущем году. Порой из пазушных почек также стремятся развиваться уже боковые побеги, но они постоянно отстают от побега, берущего начало из завершающей почки. Дальнейший рост протекает в полном соответствии с ростом первого года. Это может повторяться в течение многих лет. Вначале рост ускоряется из года в год, но наконец, когда у дерева уже есть крона и ею охвачено определенное пространство, темп вновь замедляется.

Если бы происходило только то, что описывается здесь, то хотя ствол и возник бы, но никогда бы не смогла возникнуть благородная форма кроны.

Направленный вверх ствол образуется благодаря сильному импульсу роста, все снова возобновляющемуся в завершающей почке. В принципе, на стволе надо было бы уметь вновь находить след каждой завершающей почки на ее первоначальной высоте. Ствол, стало быть, есть не что иное, как след, который оставил позади себя процесс роста, исходящий год от года от завершающей почки. Если бы все пазушные почки развивались с такой систематичностью, то вместо кроны дерева мы увидели бы метлу. Примерно таким образом растет растение, подобное дроку. Но у деревьев многие почки пребывают в покое, составляя, таким образом своего рода резерв возможностей роста. Другие, хотя и развиваются, но их побеги растут весьма скромно. И все-таки еще слишком много таких, из которых начинают развиваться сильные ветви. Этому противопоставляется своеобразный регулирующий процесс. Каждая ветка может правильно жить, лишь получая достаточно света. Если же она остается позади других, то тогда она все больше и больше попадает в тень кроны, из-за чего

ее сила роста еще больше слабеет, так что под конец она отмирает. Вскоре мертвая ветка теряет свою внутреннюю взаимосвязь и эластичность, кора осыпается, древесина становится хрупкой, и наконец вся ветвь обламывается под ударом ветра. То, что человек делает путем обрезания ветвей, есть лишь усиление процесса, непроизвольно разыгрывающегося в природе. Здесь мы снова встречаем величайшие различия у различных сортов деревьев. Бук формирует необычайно плотную крону, потому что его ветви могут развиваться даже в сумраке. У ясеня очень редкая крона, потому что ветви требуют много света.

Кроме этого регулирования, отчасти осуществляющегося извне, есть еще и протекающее совершенно внутри. Не только каждая завершающая почка получает сильнейший импульс роста, но и каждый боковой росток, как бы исполненный почтения, отступает в сторону, пока преуспевает завершающая почка. Только если завершающая почка погибнет, боковые ростки могут полностью выпрямиться. Это правило строго выдерживается у некоторых деревьев, например у клена (а также ели), так что возникают очень прямые стволы. У других, как ильм, эта закономерность нарушается уже довольно рано, так что один ствол скоро делится на несколько тянущихся вместе вверх стволов. В конечном счете, это правило действительно для каждого дерева вблизи почвы, тогда как в направлении вверх его власть слабеет.

То, что мы описали применительно к главному побегу, имеет значение, но в меньшей мере, также и для боковых: там мы видим также преобладание завершающей почки. Уже из всех этих, и еще некоторых других данностей, таких как расстановка листьев, угол между боковой и главной ветвью и так далее, можно понять существенную часть формы дерева. Но мы исследовали рост дерева еще не во всех направлениях. От года к году все это сооружение становится величественнее, оно набирает высоту, охватывает больше пространства. Но становится, возможно, это только благодаря тому, что в глубине и посередине его база укрепляется и растет вширь. В человеческих сооружениях фундамент устанавливается уже при начале постройки и со всей прочностью, необходимой для всего ее плана. У дерева база укрепляется по мере того, как это бывает необходимо; в каждой стадии роста оно представляет собой гармоничное целое. Возрастающее из года в год, в конце концов, – огромное, количество субстанции накапливается летом в центре и служит мощным строительным материалом для могучего ствола и широко разветвляющихся корней. Каждый год древесина каждой ветви, каждого корня, но прежде всего ствола усиливается новым, округло лежащим вокруг них слоем. Огромные количества живого вещества идут на строительство, собираются и осаждаются в наполовину окаменевшем, оземленном состоянии, чтобы нести молодые, развивающиеся органы.

В наружном же направлении образуется и выделяется толстая кора. Каждое живое существо должно создавать для себя своего рода заповедник. Чтобы защитить нежные жизненные процессы, оно должно выделить мертвый слой, с помощью которого оно сможет сопротивляться влиянию окружающего (ср. Гете. «К морфологии. Введение о замысле»).

Здесь, где жизнь выступает в столь величественной форме, живой слой, находящийся в стволе прежде всего вокруг древесины, выделяет также толстую мертвую массу. И похоже на чудо то, каким образом каждое дерево делает так, что даже этот слой расширяется год от года. Некоторые деревья, такие как дубы, образуют постоянно расширяющиеся трещины и разломы; у других, например у бука, наружная сторона постоянно осыпается, так что они все время имеют гладкую кору; у других деревьев это бывает опять-таки иначе.

Каждый жизненный процесс исходит из более или менее жидкого состояния вещества, да и в дальнейшем протекает весьма текуче. Это действительно даже здесь, где он оканчивается отвердением мертвой массы. Всюду, где кора бывает, поранена, видно, как, начиная с краев, наплывает плотная масса, постепенно пытающаяся закрыть отверстие, дать ему зарости. Масса состоит из очень твердого дерева с округлой корой, но она растет, как если бы состояла из густого сиропа.

У боковых ветвей происходит нечто весьма своеобразное. В то время как ствол утолщается, им приходится медленно погружаться вовнутрь. Это вызывает в коре, особенно

если они расположены косо, напряжения и смещения. Бывают видны даже линии или рубцы по обе стороны от того места, где ветвь выходит из ствола. Береза умеет придавать этим местам очень темную окраску и на этот лад украшает свой белый ствол.

В заключение спросим себя: на каких принципах покоятся все эти процессы, благодаря которым дерево достигает такого величия? В сущности, их только два – сдерживание и систематичность. На систематичность мы уже указали подробно. Сдерживание выражается в медленном росте вначале, позднем распускании весной, в раннем окончании процесса роста летом и в заблаговременном образовании зимних почек, в отставании боковых ветвей при главном побеге. Но прежде всего сюда относится то, как цветет дерево.

Ранее мы видели, как цветение истощает жизненные силы. Неудивительно, что требуется много лет, пока молодое дерево в первый раз осторожно не развернет несколько цветов. Видя, как вначале вместо цветка возникает завершающая почка, можно прийти к убеждению: подавляя цветение, дерево приходит к своему великолепному развитию. Но и у дерева, которое сильно цветет, цветение большей частью явление весьма убогое. Мы видели, что идея растения проявляется в высшей степени в цветке, но что и развитие достигает там конечного пункта, так что в лепестке можно найти минимум жизненной силы. Дерево никогда не позволяет столь полно выявиться своему существу, и делает упор на почки, с помощью которых оно может продолжать свое развитие. Их строение в противоположность строению цветка покоится на сохранении в тайне того, что они как возможности несут в себе.

в) У вьющихся растений мы встречаем ту разновидность роста, которая отмечена быстротой и подвижностью. В то время как при распускании вначале чаще всего начинается разворачивание листьев и лишь затем следует сильное вытягивание стебля, здесь же вначале происходит чрезмерное вытягивание и лишь затем разворачиваются листья. Если растение не имеет опоры, растущая верхушка постоянно висит далеко в наружном направлении и делает необычайно быстрое, вращательное движение. Но как только она находит точку опоры, она обвивается вокруг нее и вьется вверх, как по винтовой резьбе. Но часто также бывает видно, как стебель, который не находит опорной точки, начинает болеть и вскоре отстает в росте.

У взрослого растения особенно бросаются в глаза тонкость стебля и большое расстояние между двумя узлами. Обычно рост у этих растений начинается в тени других. Но как только они оказываются вверху и свет может свободно освещать их, рост большей частью сильно задерживается, чтобы дать пространство богатому разворачиванию цветов.

Самым типичным для этой разновидности произрастания является отсутствие центра. Там, где у нормальных растений находится стебель, здесь видно другое растение. Сосуды относительно длинные и широки. Это объясняют необходимостью сильной подачи воды. Такая связь действительно существует. Но самым впечатляющим при этом является то, что даже при более тонком строении явно существует склонность оставлять в центре много свободного пространства.

Отвердение и одревеснение у этих растений особенно заметно в тропиках [4]. Но там не возникает сильного ствола, а нечто вроде очень твердого каната. Порой стебель разделяется на несколько деревянных пучков с более мягкой тканью между ними, из-за чего все в целом выглядит как бы сплетенным. Следовательно, даже при таком уплотнении отсутствует установка на центр.

Результатом всех этих особенностей является то, что при минимуме употребления материала растение достигает максимума в распространении в пространстве.

Рассматривая подъем из тьмы к свету как самое существенное в росте растений, можно также сказать: с минимумом средств достигается максимум результатов.

Такие растения могут расти только там, где они могут посылать вверх из почвы сильный поток жидкости. Следовательно, легко понять, что сильнее всего развитыми их встречают во влажных тропических лесах, где в их распоряжении есть много воды и где благодаря сильной жаре водяное действие достигает высшей интенсивности.

г) У типичных хвойных деревьев развитие очень похоже на развитие лиственных

деревьев. Завершающая почка преобладает здесь еще сильнее. Из-за этого ствол часто растет очень высоко и прямо как свеча, тогда как боковые ветви стремятся в сторону под прямым углом к нему. Упорядоченность и систематичность лиственных деревьев являются здесь постоянным повторением одного и того же, ибо когда появляются иголки, в них вновь видишь линейную форму ветвей. Хотя иголки – это, в сущности, листья, у них не найдешь и следа расширения или метаморфозы.

У этих растений каждая форма показывает, что они хотят целиком определять себя изнутри. Нельзя ощутить ничего от игрового взаимодействия с окружающим миром. Хотя и они в конечном счете вынуждены несколько приспособливаться к изменениям в своем окружении, но они делают это всегда очень медленно. Они, например, вообще не приспособиваются к направлению света. Лишь поздно в мае наши сосны полностью освобождают свои молодые иголки от окружающей их кожицы, и эти иглы опадают приблизительно через три года. Стало быть, хвойное дерево постоянно и главным образом являет прошлое, одеяние из игл двух– или трехлетней давности. Сосновой шишке требуется два полных года для созревания. Лишь на третий год весной она открывается и рассеивает свои семена.

Воздействие воды на эти растения очень ограничено. Ее подача происходит очень медленно, иголки испаряют мало влаги, у них никогда нельзя почувствовать чего-либо от сочного разрастания. Таким образом, сами они в своем холодном окружении в состоянии усваивать так много солнечного жара, что все растение пропитывается смолой, весьма горючей субстанцией. Очень тесно связана с этим их темная окраска. Чем она темнее, тем больше света впитывается и переводится в тепло благодаря ей. Темные, строго вознесшиеся благодаря силам из земли, глубоко прокаленные силой огня – вот признаки хвойных деревьев.

д) Типичный кактус отличается тем, что жизненные процессы часто задерживаются на полпути или сильно запруживаются. Это растение насколько возможно избегает выхода в окружающий мир. На это указывает уже форма шара или столпа. Но все, что округло, обладает большой способностью усвоения при малой поверхности. На это указывает также тот факт, что листья у кактуса съезжились в колючки. В связи с этим вода, которая иначе почти вся испарялась бы поверхностью листьев, остается внутри стебля и помогает ему в его мощном разбухании. Большая часть тела растения состоит из рыхлой ткани, наполненной сильно водянистой слизью.

В связи с тем, что жизненные процессы и превращение материи, происходящие обычно в листе, здесь протекают в стебле, этот последний большей частью отказался от своей склонности к уплотнению и отвердению.

Даже из того, как совершается газообмен, можно понять сдерживание и запруживание жизненных процессов. Зеленые растения в течение дня получают из своего окружения углекислый газ, образуют из него свойственные их природе вещества и выделяют кислород. В темноте же отчетливо проявляется гораздо более слабое дыхание, совпадающее с нашим. Тогда и растения также усваивают кислород, с помощью которого они сжигают сахар, что дает воду и углекислый газ, который они выдыхают. В течение дня это дыхание совершенно прикрыто описанным ранее процессом ассимиляции углекислого газа. Кактусы, как маслянистые растения, позволяют своему сахару сгорать лишь до растительных кислот, так что можно точно установить легкое окисление. Как только засияет солнце, начинается снова выработка сахара. Следовательно, при выделении кислорода образовавшиеся кислоты опять переводятся в сахар. В этом равным образом можно усмотреть нечто, что ослабляет взаимодействие с окружающим. Этим способом кактус избегает выдыхания углекислого газа, который позже он должен был бы снова усваивать в качестве питательного вещества. В связи с этими своеобразными фактами нужно, пожалуй, учесть и то, что даже довольно маленькие части этих растений можно долго хранить и еще очень хорошо сажать или прививать. Кактус пытается образовать для себя свой мир и благодаря этому в высокой мере независим от окружающего. Периферия, которая должна обеспечивать связь с окружающим,

направлена главным образом вовнутрь. Она как бы сбежала в область, где иначе тон задает вертикаль, в область, где преобладает стремление к самостоятельности и устойчивости. Благодаря этому сочные, разбухшие части приобретают такие свойства, как жизненная стойкость и большая жизнеспособность (Keimkraft), свойственная обычно более сухим, сжатым частям (ср.1, 6).

Важным моментом времени для кактуса является начало периода дождей. Тогда под поверхностью почвы корни широко растут во все стороны и быстро усваивают воду. Затем стебли начинают свой ленивый рост, вскоре затем во всем своем великолепии раскрываются цветы. На мгновение, кажется, будто кактус отказался от всякой сдержанности, но это относится только к корням и прежде всего цветам. Последние пламенеют своими великолепнейшими красками и распространяют эфирные ароматы. Рост стебля – это только что-то вроде набухания, которое часто идет скорее в ширину, вместо того чтобы идти в длину. В то время как у других растений рост – это прежде всего разворачивание от органа к органу, то есть развитие, здесь растение, кажется, хочет решить проблему: «как бы мне расти без разворачивания, без развития?»

Как только влажный период минует, кактус вновь целиком обращается к самому себе. Корни отмирают. Цветение и рост совершенно прекращаются.

Но даже в органах, посредством которых кактус связан со своим окружением, он не изменяет своему истинному характеру. Цветы часто бывают образованы из весьма большого числа спирально расположенных лепестков цветочных чашечек и имеют при этом много тычинок. Они состоят, следовательно, из множества периферийных органов. И корни растут почти полностью в периферийном направлении.

Все описанные здесь явления можно было бы понять как приспособление к очень одностороннему окружающему миру. Как и каждое живое существо, кактус превосходно включен в окружающий его мир. Но с нашей точки зрения самое важное то, что во всех этих явлениях выражается определенный стиль: жизненный стиль типа. Это не приспособление, а значит, не окружающий мир определяет тип, как думают большей частью. Тип определяет вид приспособления, или лучше – включения в окружающий мир. Во всех областях мы видим у кактуса крайнее преобладание периферии над вертикалью. Напоследок еще раз продемонстрируем это на примере плода и семени, после того как по-разному увидели это у корня, стебля и цветка.

Для многих видов кактусов примечательно то, что они изобильно цветут и плодоносят, но образуют очень мало семян. Размножение происходит большей частью посредством обломленных частей стебля. В этой ограниченной возможности образования семян мы можем распознать опять-таки неспособность к отвердению. Само собой понятно, что та часть растения, в которой особенно отчетливо выражается своеобразие вертикали, у этих растений должна быть недостаточно развита. Этому противостоит тот феномен, что все части растения обладают особенно большой жизнеспособностью (Keimkraft) и что, следовательно, вегетативное размножение происходит особенно легко.

Есть вид кактусов, у которых на плоде, когда он созрел, снова появляется новый цветок, который после увядания вновь дает плод. Это может продолжаться, пока не выстроятся один за другим до десяти плодов. Эти плоды почти никогда не содержат семян. Но когда они опадают, то могут пустить корень и образовать новое растение. У таких растений вертикаль не в состоянии доводить процессы до конца. Вместо того чтобы на пути цветения вести цикл роста к новой стадии, плод впадает в состояние, сравнимое с состоянием стебля или ствола.

е) Рост куста начинается большей частью с сильного выдвигания в пространство. Молодой стебель стремится сначала высоко вверх и после постепенного изгиба – вширь. В сравнении с деревьями кустарники имеют нечто привольное, ничем не стесненное. Молодые побеги часто продолжают расти до самой осени, пока позволяют условия. Затем, когда отмирает верхушка, возможности жизни консервируются в лежащей ниже и уже одревенелой части. Следовательно, об образовании завершающей почки не может быть и

речи. На следующий год боковые ветки повторяют то же самое. Они тоже распускаются и обращаются дугообразно наружу, но в противоположность деревьям здесь как раз те, что сидят глубже, обнаруживают сильнейшую силу роста и кроме того склонность доминировать над более высокими частями. В то время как у дерева каждая ветвь строится и формируется до мельчайших подробностей, а на следующий год каждый побег находит свое основание в достигнутом в прошлом году, куст как будто охвачен стремлением постоянно начинать заново и никогда ничего не доводит до конца. Здесь также редко встречается только один ствол. Очень часто именно новые побеги устремляются вверх из земли. У деревьев можно заметить своего рода состязание между ветвями, из которых каждая хочет стать главным стволом. У кустарников каждая ветвь избегает опасности превратиться в ствол и обращается насколько возможно в сторону. И если здесь все-таки выступает начало образования ствола, то он бывает сконструирован так, что кривая развивается на кривой. Вполне понятно, что именно этот тип должен являть склонность к образованию колючек. Подобно тому как весь стебель отмирает в месте, где следовало бы ожидать сильнейшего роста, так и в колючках мы имеем дело с органом, который, в сущности, должен был бы стать листом или стеблем, но остался убогим и съезжившимся, скоро отмер и особенно сильно отвердел. В образовании колючек вертикальный принцип доведен до абсурда. Вместо подвижного включения и постепенного роста навстречу своему окружению здесь обнаруживается безусловное осуществление собственных ведущих тенденций. Неудивительно, что для самого растения это есть процесс смерти, а для окружения это сводится к поранениям и истреблению. Ведь жизнь всегда покоится на тонком взаимодействии.

В то время как деревья обнаруживают большую сдержанность в своем цветении и в большинстве случаев приносят сухие плоды, большинство кустарников преподносит нам множество прекрасных цветов и приносит часто изобилие ярко окрашенных ягод. Вплоть до времени распускания листьев кустарники обнаруживают свой напористый нрав. Часто они уже давно покрыты зеленью, тогда как деревья еще спокойно ждут с этим. Кустарники поднимаются вверх из глубины почвы как буря. Как только они чего-либо достигнут при этом, они совершенно избавляются от своей субстанции, отказываются от нее – будь то в пользу Космоса, который волшебным образом вызывает из нее цветы, будь то в пользу Земли, которая позволяет ей отмереть в сухих ветках или мертвых колючках. Да и в ягодах встречается неумеренность. Все сочное, что имеется в процессе роста, продолжается вплоть до плода и повышается силой солнца до сладкого и прозрачной красочности. В ягодах тепло и вода соединяются теснее всего.

ж) Горные растения растут в областях, где они могут найти благоприятные жизненные условия лишь на короткое время. Поэтому их развитие протекает необычайно быстро. Едва сформировав стебель и несколько нежных листочков, они уже раскрывают цветок, который сформирован сравнительно больше, тоньше и имеет более глубокую окраску, нежели цветы долин. Среди горного ландшафта влияние почвенных процессов ослаблено, тогда как благодаря не встречающему на своем пути препятствий свету влияние Космоса могущественно. Поэтому растения уже очень скоро могут освободиться от земного и всем своим существом отдать свету. Если они находят на своем месте мало света, то в общем растение обнаруживает склонность искать его – оно становится большим и очень растет вширь. Если света много, растение уже скоро бывает удовлетворено и остается маленьким. В высшей степени интересно, что у корня дело обстоит совсем наоборот. Когда света много, высоко в горах или на скудном кремнеземе, он становится большим. Мы видим, стало быть, что когда поток снизу вверх силен, корень остается маленьким, а побеги сильно распространяются вширь. Если силен поток сверху вниз, тогда корень делается большим, а побеги остаются маленькими.

4. Формы произрастания как преувеличение периодов развития у типичных растений

До сих пор мы рассматривали формы произрастания скорее пластически-пространственно, исходя из типичных растений. Но теперь можно с тем же успехом показать, что травянистое растение, то есть растение, стоящее ближе всего к праобразу, проходит одну за другой такие стадии, которые – будучи односторонне преувеличены – позволяют возникать нашим формам произрастания.

Рост у растения исходит из верхушки стебля. Крайняя точка, именуемая вегетативным конусом, – это весьма нежный орган, тщательно укутанный образованными ранее боковыми органами. Там постоянно возникают тонкие набухания или выпячивания, которые постепенно становятся больше, тоньше выработанными и наконец вырастают в листья и пазушные почки. В первой стадии своего роста растение совершенно мягко и сильно проникнуто жизнью и влажностью,

Кактусы и масличные растения можно во многих отношениях сравнить с мощно разросшимся вегетативным конусом. Состояние, которое проходит у других растений очень быстро, здесь удерживается в течение всей жизни.

Если органы расположены возле вегетативного конуса, растение разворачивается быстро. Последнее сопровождается сильным развитием плоскости листа и вытягиванием стебля. При этом формы, которые уже налицо, увеличиваются благодаря усвоению воды. Это имеет следствием то, что растение на этой стадии широко развивается в сторону окружающего.

Это удлинение стебля и выход в окружающее, связанные с могучим воздействием воды, отчетливее всего встречаются у вьющихся и ползучих растений. В какой мере к этому типу относится также сильное развитие листьев, мы увидим в главе II, 5.

После того как растение некоторое время жило в стадии удлинения и разворачивания, наступает стадия нарастающего утончения и задержки роста под влиянием света, которая находит свое завершение в цветении.

Односторонне выраженные задержку роста вместе с цветением можно встретить у горных растений.

У трав мы видим в гармоничном развитии все, о чем до сих пор шла речь.

Следующие три типа отмечены одревеснением и отвердением.

Когда органы развиты и выпрямление произошло, еще мягкий стебель в каждом растении пронизывается расположенными по кругу тонкими прядями, пучками сосудов, обеспечивающих транспортировку вещества в растении и дающих также устойчивость стеблю. Каждый пучок сосудов состоит из двух частей. Наружная часть, состоящая из так называемого луба, полна интенсивной жизненной активностью. Внутренняя часть отвердевает из-за отложения древесной субстанции и в значительной степени отмирает. Обладанию этим пучком сосудов растение обязано возможностью свободного подъема в воздух своими более нежными органами и обращения к свету. Но для этого необходима большая устойчивость и интенсивная транспортировка вещества. У растений, которые деревенеют и образуют стволы, эти пучки сосудов, вначале отделенные промежутками от более мягкой ткани, располагаются кругом и постепенно складываются в плотное древесное кольцо. В последующие годы вокруг него каждый раз снова откладывается новый древесный слой, пока, наконец, не возникнет мощный столп ствола. Живая часть, луб, образует тогда тонкий кольцевой слой вокруг древесного столпа. От луба наружу отделяются мертвые массы коры.

Кустарники как бы останавливаются еще при образования отверделых прядей, процессе, разыгрывающемся преимущественно в продольном направлении. Они начинают с роста именно в ширину. Эту склонность к образованию древесины, к отвердению последовательно реализуют листовые деревья.

Но создания отвердевшей проводящей системы еще не достаточно, чтобы сообщить растению большую самостоятельность и независимость от его окружения. Каждый орган, который полностью развит и должен работать некоторое время, окутывается и защищается посредством выделения уплотненного, отмершего слоя. У листьев большей частью мы

встречаем лишь тонкий, похожий на пробку слой, cuticula, у стволов же – весьма часто мощную кору.

Это отмирание как во внутреннем, так и во внешнем направлении сильнее всего у хвойных деревьев. Для их игл типично то, что молодое стремление к росту, позволяющее развернуть лист. у них отсутствует и что очень скоро образуется плотный, изолирующий слой.

При выведении последних трех форм произрастания возможен и иной путь. Если кто-то сочтет рассматриваемые связи слишком неопределенными, то пусть он примет излагаемое далее как гипотезу. Ведь и в мыслительной жизни часто бывает необходимо искать правильный след, смело отправившись в путь. И пригодность пути там в большинстве случаев обнаруживается также лишь после того, как он был решительно избран.

Вместо внутренних процессов мы можем направить наше внимание на органы, которые растение протягивает вовне. Говоря о первых четырех формах произрастания, мы не решились пойти дальше развития цветка. Но внутри цветка в весьма быстрой пространственной последовательности происходит самый мощный метаморфоз. Только нельзя позволить ввести себя в заблуждение поверхностными впечатлениями. Мы находимся здесь в области, где идея целиком и полностью владеет материей. Все, что вещественно, к чему относится также пространственная протяженность, здесь должно быть сильно оттеснено, тогда как все, что можно прочесть по формам и процессам, получает особенно большое значение. Несмотря на свои небольшие размеры, цветок говорит могучим языком.

Типичной для кустарника является склонность как можно сильнее и быстрее выпустить свои ветви в мир, не ожидая, когда будет возможно гармоничное включение.

Эту же самую склонность являют тычинки. Здесь тоже множество простирающихся во все стороны в мир органов. Тоже склонность к расточительному выбрасыванию субстанции.

Все развитие дерева есть спокойное созревание, полное сдержанности, сопровождаемое старательным обереганием зачатков будущего. Стоит только вспомнить о внимании, уделяемом завершающей почке. То же самое можно сказать и о плоде. В то время как дерево охватывает своей кроной значительную часть воздушного пространства, бросающимся в глаза признаком многих плодов является то, что в них имеется наполненное воздухом углубление.

Одним из основных процессов у дерева является сведение материи, которая постоянно образуется на периферии, в вертикаль. Плод – это часть растения, в которой периферийные органы объединены вертикалью.

Наконец, квинтэссенцию вертикали мы встречаем в семени, органе, до предела уплотненном и отверделом как во внутреннем, так и во внешнем отношении. Он совсем уподобился земле после того, как огненные силы вытеснили все водное. У хвойных деревьев мы встречаем то же самое: сильнейшую вертикальную тенденцию, сильное сжатие, воздействие огненного элемента на земной элемент.

Итак, мы констатировали, что существует явная связь между стадиями роста травянистых растений и рассмотренными формами произрастания. У травянистого растения – или лучше: у идеального, типичного растения, прарастения, которое описал Гете и из которого мы исходили, – мы находим тесно соединенными все те грандиозные образования, которые мы разобрали при описании форм произрастания. Так искали мы путь в согласии с очень глубоким принципом, имеющим значение для всех царств живой природы. Во всех областях мы можем найти идеальные формы, обладающие в гармоничном соединении всем тем, что весьма односторонне развилось в различных направлениях в бесчисленных реальных формах.

Позже мы увидим, что имеем здесь дело также с ключом к различного рода человеческим типам.

5. Рассмотренные формы произрастания как ключ к более широкому кругу форм

Ради полноты мы дадим здесь еще некоторые краткие указания, как ориентироваться с помощью типов произрастания. До сих пор мы приводили лишь некоторые особенно характерные формы, Но каждый тип имеет вокруг себя как бы целый круг форм, в котором он выступает, ослаблено или даже лишь в смутных намеках. При этом существуют также переходные и промежуточные формы.

К типу кактуса относятся все растения, отличающиеся большей или меньшей мясистостью, например масличные. Очень слабую форму этого типа можно встретить еще среди трав или кустарников, чьи ветви проводят зиму в зеленом состоянии. Примерами этого являются бересклет и дрок. Сюда относятся все растения, сохраняющие стремление оставаться молодыми, более или менее сопротивляющиеся проникновению сил смерти.

К типу вьющихся растений относятся в широком смысле все растения, предоставляющие окружающему миру слишком много поверхности, тогда как вертикаль у них слаба. Так, сюда относятся, разумеется, все обвивающиеся растения, но также растения с крупными листьями, многие из ползучих и висячих. Прекрасными примерами являются ревен, большая мать-и-мачеха. В общем, к этому типу склоняются растения, растущие на плодородной почве в тени. Можно вспомнить, следовательно, и о подлеске. Особенно в тропических лесах встречаются разнообразно представленные все формы этого типа.

К растениям горного вида относятся растения, которые очень сдержанны в образовании листьев и уже очень скоро производят большие яркие цветы. Примеры: василек, лен, некоторые сорта гвоздики, колокольчик и так далее. Большей частью эти растения произрастают в бедной, но светлой среде.

Из всего изложенного уже стало ясно, что к травянистому тылу должны быть причислены не только однолетние растения, но и двухлетние и зимующие растения в той мере, в какой их надземные части не древеснеют. Сюда относятся также злаковые (Graser).

Кустарниковый тип ограничен также весьма мало, Настоящий кустарник мы встречаем в ежевике, но также и в целом ряде переходов к травянистым. Относительно малины с ее двухлетними стеблями следовало бы говорить, в сущности, одревеснеющих травах, которые находятся на пути к превращению в кустарник. Стальник (Ononis) благодаря своей небольшой величине является настоящей травой, но по своему строению склоняется больше к кустарниковым. Осоты – настоящие травы по своему образу жизни, но из-за высоких, жестких стеблей и чрезмерного количества шипов они представляют переход к кустарниковому типу. Также многие древесные растения из-за своих перепутанных ветвей и низкого роста ведут себя как кусты, но не обнаруживают их чисто дугообразного роста.

Тил дерева, ослабленный до формы кустарника, встречается в боярышнике, рябине, раkitнике. Даже наши плодовые деревья часто можно рассматривать еще наполовину как кустарники. Их дикие виды часто несут на себе шипы, цветут пышно, а плоды их мясисты. В сущности, признак этого типа обнаруживается, едва лишь растение начнет собирать резервное питание в клубнях и корневищах, чтобы в следующем году быстро произрасти на основе, заложенной годом ранее

Тип хвойных деревьев встречается с ослабленными признаками у растений, сохраняющих свои листья и зимой, таких как палуб остролистный, бирючина, рододендрон и др. Даже вереск еще относится сюда.

Среди самих хвойных деревьев существуют различные виды сильно отступающие от этого типа. Ginkgo biloba имеет настоящие широкие листья. У тиса нет смолы. Лиственница обладает очень нежно устроенными иглами, которые она сбрасывает каждую зиму.

6. Однодольные растения и семь форм произрастания

В наших рассуждениях мы направляли взгляд исключительно на высшие растения, в частности также на хвойные и двудольные, Но изложенное относится и к однодольным,

которые мы теперь вкратце обрисуем.

Присмотревшись к бросающимся в глаза признакам однодольных, мы уже вскоре придем к характеристике этой группы как целого.

Говорят, что однодольные имеют идущие параллельно листья. Часто это не имеет места. Лучше указать на то, что жилки не разветвлены и тем самым не образуют сети, как у двудольных. Как правило, стебли мало или вообще не разветвлены.

Линия пучков сосудов также проще, чем у двудольных.

Кроме того, существует весьма бросающийся в глаза признак, на который большей частью не указывают. Очень многие однодольные имеют склонность при выпуске листьев или стебля и при прорастании семени принимать форму узкого, направленного вертикально вверх остроконечного ростка.

Двудольные прорастают большей частью изогнутой книзу верхушкой стебля, и их начальное разворачивание идет прежде всего вширь, то есть горизонтально. При распуске побегов или боковых стеблей большей частью имеет место также сильное разворачивание вширь и лишь затем удлинение.

Однодольные можно было бы назвать «прорастающими вертикально», а двудольные – «прорастающими горизонтально».

Кроме того у однодольных часто встречаются мечевидные вертикальные листья, что очень необычно для двудольных.

Вся группа однодольных склоняется к тому, чтобы в своих надземных частях несколько схематично давать определять себя вертикальным принципом. В общем, дифференциация менее значительна, нежели у двудольных, что выражается в том, что различить вертикаль и периферию порой труднее. В связи с этим типы произрастания выступают отчасти не столь отчетливо.

Пальмы мы, безусловно, должны причислить к типу деревьев. Ствол является определяющим также и здесь. Едва ли существует растительная форма, осуществляющая вертикаль более грандиозно и односторонне. Стволу противостоит относительно небольшое число необычайно больших листьев. Начинаются они почти как жерди, которые растут сперва прямо вверх и затем сильно разворачиваются вширь, разворачиваясь в стороны.

Роттан, или ползучая пальма, целиком являет тип лианы.

Злаки в первую очередь должны быть причислены к травянистому типу. Как только условия существования становятся несколько хуже, выступают разновидности, более жизнеспособные, резкие и твердые. Это надо рассматривать как метаморфоз в направлении произрастания кустарникового типа, прежде всего потому, что эти злаки, например шлемник, часто очень велики. Есть даже злаки, которые из-за их величины и ствола надо полностью причислить к типу деревьев, как, например, определенные сорта бамбука.

Множество видов алоэ и агав относятся к наиболее известным масличным растениям.

Весьма характерной формой однодольных являются луковичные растения. В своих надземных частях они выглядят совсем как травы. Своими луковичками они несколько напоминают тип кактуса. У лука мы также встречаем сжатие периферии в области вертикали, связанное с сильным замыканием от окружения. Здесь также обнаруживается склонность к консервации жизни и избеганию процессов отвердения.

III ПРОИЗРАСТАНИЕ РАСТЕНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ КОСМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Введение

Большим недостатком современного сознания является отсутствие способности видеть мир в виде единого большого организма. Отдельные проблемы рассматриваются с необходимой интенсивностью. Однако то, что важно, прежде всего, – видение мира как

единого целого, – принимается редко. Каждый знает, что человечество впало в состояние хаотизации. Каждая ошибка, которая делается в политической области, обладает тенденцией приобретать значение для всей Земли. Новый порядок будет создан, только если наши созидательные мысли будут исходить из понимания целого.

В этой главе мы попытаемся поискать исходя из современного сознания путь к понятиям, относящимся ко всему миру. Тем самым мы проникнем в область, в которую вступали некогда с инстинктивной уверенностью, но ориентироваться в которой мы сегодня должны учиться заново и с трудом.

Когда Коперник развил идею гелиоцентрической системы мира и Земля с тех пор должна была уступить свое место в центре мира Солнцу, то это было огромным прогрессом для человечества. Тем самым была достигнута гораздо более независимая точка зрения в отношении проблем, которые выдвигает природа. Но как раз это было одной из причин того, что связь с мировым целым была утрачена. Ведь в контексте нашего рассмотрения не играет ни малейшей роли, что значат для сознания мировые законы, но важно только то, что значат движения и качества небесных тел для жизненных процессов в природе. Растение не способно мыслить абстракциями и менять свое местоположение под солнцем. Но последнее необходимо для понимания коперниканской системы. Растение приковано к Земле. Для учения о растениях важны в первую очередь движения планет, какими они видятся с Земли. Мы принимаем здесь, следовательно, самую наивную точку зрения, как если бы все обстояло так, как мы видим нашими глазами. Не утверждая, что это единственно правильная картина мира, мы все-таки покажем, что мы можем весьма глубоко проникнуть в явления на этом пути.

1. Растение и солнце

а) Растение и суточное движение солнца

Каждое погожее утро перед восходом солнца на востоке на еще темном звездном небе начинает нежно загораться дневной свет. Скоро начнут свои ликующие хоры птицы. Вся природа наполнена серебристым сиянием и свежестью. Затем солнце поднимается над землей, и все сияет, как будто весь мир – это огромный распускающийся цветок. Вплоть до полудня солнце поднимается все выше и выше и распространяет все больше света, все больше тепла. И еще долго можно чувствовать что-то вроде юношеской свежести во всей природе.

Затем солнце начинает медленно садиться. Свет убывает, и истома и тяжесть охватывают человека и высшие природные существа. Эта истома еще усиливается прибывающим, нависающим теплом. Часто распространяется также какая-то дымка. Вечером, когда солнце начинает уходить под землю, все как будто воспламеняется золотым огненным жаром. И действительно, дымка снова исчезает. Затем наступает тьма, которая становится все гуще, в то время как солнце уходит глубже, и всюду поднимается холодный туман. Далеко за полночь, когда скрывшееся солнце уже снова движется навстречу своему восходу, наступает время наибольшего холода. Но уже скоро загорается совсем нежный свет утренней зари.

Множество цветов в течение дня следует за солнцем, и это не что иное, как грациозное подражание в малом описанным здесь мощным процессам. Ночью они укрываются своей поблекшей чашечкой. После восхода солнца они раскрываются во всей своей красе и верно следуют его пути, все больше и больше приобретая сияющей силы. Около полудня, когда становится чересчур жарко, они, охваченные усталостью, поникают своими головками. Вечером, с наступлением прохлады, они приходят в себя, но вскоре затем снова закрываются. Даже листья склонны следовать за солнцем. Молодые листья деревьев пытаются, пока они растут держаться поперечно по отношению к свету, к направлению движения солнца. Лучшее всего это сопутствование солнцу можно заметить по движениям

растений во сне. Акация складывает свои листья на ночь в направлении книзу. Как только становится светло, она широко простирает их, а когда солнце стоит высоко и источает наибольший жар, она вторично складывает листья в направлении вверх.

б) Растение и годичное движение солнца

Течение года являет нам нечто, во многом совпадающее с течением дня, но в гораздо большем масштабе. В течение всей зимы и весны солнце каждый день поднимается немного выше, в течение лета и осени оно каждый день опускается несколько ниже. Его наиболее быстрое движение приходится на равноденствие весной и осенью; наименее быстрое бывает при наиболее высоком и наиболее низком стоянии солнца. Осенью и зимой солнце большую часть дня находится под землей, весной и летом – над нею.

Весенней порой природа обнаруживает ту же склонность к свежести, что и по утрам, и в связи с этим у растения можно почувствовать большую силу роста, стремление к развитию. Летом оно являет ту же склонность к теплу, что и пополудни, и тогда над всей природой лежит заметная истома. Сильный импульс роста, которым полна весна, медленно ослабевает. Сравнение можно продолжить даже настолько, что осенью можно наблюдать склонность к образованию тумана, каковая выступает часто в начала ночи. Также и в ходе года мы имеем время наибольшего холода зимой, после самого низкого стояния солнца, то есть в то время~ которое соответствует поздним ночным часам.

Течение года обнаруживает совпадение с течением дня также" в отношении роста растений, но и здесь годовые процессы имеют опять-таки больший охват.

То, что в течение дня является только раскрытием и закрытием" одного-единственного органа, является в течение года ростом" отмиранием всего растения.

в) Обзор: произрастание растения в связи с солнцем

В течение года

Переход весна-лето:

Самое высокое стояние солнца. Покой в высях вся природа в полном цвету.

Переход лето-осень:

Среднее стояние солнца, сильное снижение. Мир растений теряет листья и отступает в корневища, стволы и семена.

Переход осень-зима

Самое низкое стояние солнца, покой в глубине. Вся природа в состоянии наибольшего сжатия.

Переход зима-весна

Среднее стояние солнца, сильнейший подъем. Растительный мир полон самым сильным стремлением к росту.

В течение дня

Полдень:

Наиболее высокое стояние солнца. Листья и цветы полностью развернуты.

Вечер:

Садящееся солнце. Цветы закрываются, некоторые листья принимают спящее положение.

Полночь:

Наиболее низкое стояние солнца. Цветы и листья свернуты сильнее всего.

Утро:

Восходящее солнце. Цветы и спавшие листья разворачиваются.

г) Об отношениях Солнце – Земля и идея – материя

Если мы сопоставим предыдущее с содержанием первой главы, то увидим, что

существует примечательное соответствие между отношением Солнце – Земля и отношением идея – материя. Как только в течение года Солнце начинает доминировать в стоянии и движении, весь растительный мир находится в состоянии сильного роста и постоянно возобновляющегося образования органов та есть идея становится деятельной и господствует над материей В сущности, здесь имеешь дело с двойным направлением. По своему положению солнце поднимается выше над землей, по своему действию оно больше вторгается в земной мир.

И так же обстоит и с идеей в своем высшем проявлении она глубже всего воздействует на материю.

Когда в течение года солнце следует своим нисходящим путем, зримая деятельность идеи завершается. Как только оно скрывается глубоко под землей, идея целиком и полностью отступает из царства осуществления в область возможностей роста.

Все, что происходит благодаря годичному движению солнца, отчетливо отражается в строении и развитии всего растения. Это сказывается больше всего в области вертикальной тенденции. Влияние суточного движения выражается прежде всего в периферийных органах. Мы видели уже некоторое число примеров последнего (раскрытие и закрытие цветов, движения листьев в состоянии сна).

2. Характеристики планетных движений

Представление о движении планет среди звезд можно получить лучше всего, если отвлечься от их суточного движения и даже мысленно устранить Землю. Вместе с этим отпадет затуманивающее воздействие атмосферы и затмение одного небесного тела блеском другого.

Затем нужно еще, как это демонстрируется в планетарии, представить себе движения планет в ускоренном виде, поскольку истинные движения планет происходят столь медленно, что при их наблюдении на небе имеешь лишь впечатление, что они стоят.

Если попытаться мысленно ускорить это медленное движение, то уже вскоре заметишь, что это особенно важное внутреннее упражнение Можно подумать, что таким способом можно слишком легко потеряться в области воображения и тем самым оторваться от действительности. Однако скоро почувствуешь, что благодаря этому упражнению начинаешь прокладывать совершенно новый путь в мир, ибо чем больше прилагаемое усилие, тем больше замечаешь, что получаешь всевозможные интуиции из сферы, которую искал.

Ясные описания того, каким образом протекают эти движения перед взором наблюдателя, из обычных астрономических книг можно извлечь большей частью лишь с трудом. Превосходное руководство для этого дают Г. фон Баравалль в своей книге «Явления звездного неба» и Иоахим Шульц в книге «Звездные ритмы».

Хотя то, что строишь в своем воображении, можно увидеть в любом планетарии, наша задача от этого не становится легче ни в малейшей степени. Созерцание ускоренных планетных движений ставит нас скорее за пределы действительности, нежели приближает к ней. В этом же смысле огромное значение имеет представлять себе растение в ускоренном развитии. После некоторого упражнения можно приобрести способность представлять растительную жизнь во всех подробностях. При этом впервые получаешь правильное представление о том, чем, в сущности, является растение во всей его сияющей чистоте. От фильма, снятого замедленной съемкой, который показывает то же самое, но предлагает его глазу, очень скоро получаешь впечатление, что процесс роста имеет в себе что-то животноподобное.

В таких подвижных внутренних представлениях Солнце выступает как могучий сияющий диск, который мощным движением прокладывает себе путь по небу. Это движение противоположно его дневному движению и протекает, следовательно, над горизонтом с

запада на восток. В течение года Солнце проходит весь Зодиак

Сравнительно с ним Луна совершает особенно быстрое, скользящее движение. Она все время догоняет Солнце, проскальзывает мимо него и начинает светить все шире, пока находится точно против него. Затем она снова приближается к нему, в то время как светлая часть ее диска принимает форму становящегося все более узким серпа, пока наконец совсем не исчезнет при прохождении мимо Солнца. Это одно большое движение варьируется несколькими маленькими отклонениями и смещениями.

Луна, которая за время оборота Солнца проходит Зодиак округленно двенадцать раз, самая быстрая из всех планет. Самая медлительная, напротив, – Сатурн, который движется приблизительно в тридцать раз медленнее Солнца. Почти кажется, что он тихо стоит на небе подобно неподвижной звезде, но все-таки можно заметить, что всякий раз, когда Солнце проходит мимо, он совершает медленное, следующее за ним движение, которое постепенно переходит в несколько менее значительное обратное движение, когда Солнце приближается к нему с противоположной стороны неба. Этим медленным движением вперед и снова назад, совершаемым приблизительно раз в году, Сатурн в неполные тридцать лет описывает свой путь вокруг неба.

В то время как Сатурн определяется в ритме своего движения Солнцем, но в своем большом, сквозном движении остается свободен, Меркурий целиком связан с Солнцем. Идя всегда вместе с могучим движением солнечного тела вдоль неба, он описывает свой путь по нему настолько быстро, что это можно сравнить с игрой, при которой двое детей поочередно бросают мяч друг другу. Один раз он опережает Солнце в его движении, затем снова отстает. Если бы он рисовал след своего движения на небе, то можно было бы видеть четкие непрерывные линии и между ними в виде горизонтальных петель его попятные движения. Меркурий излучает мало света и поэтому едва заметен. Однако это планета с наиболее меняющимся движением. Из-за этого для обычного наблюдения он имеет в себе что-то скрытое и таинственное. При его наибольшем удалении от Солнца он виден появляющимся на| вечернем и утреннем небе и уже вскоре снова исчезающим вблизи Солнца.

Юпитер похож в своем движении на Сатурн, но гораздо сильнее следует вместе с Солнцем. Он являет нам не замедленное, а непрерывное величественное движение. При этом он выделяется очень ярким благородным светом, лишь очень медленно увеличивающимся или уменьшающимся в своей силе. При каждом отставании он достигает наибольшей яркости, при движении вперед его свет бывает самым слабым. То же самое, но только менее отчетливо, можно наблюдать у Сатурна.

Венера сопровождает Солнце точно так же, как Меркурий, но только ее удаление от Солнца гораздо сильнее. Она постоянно несется мимо Солнца и ярко светит. Затем она снова отстает, причем свет ее слабеет; она исчезает вблизи Солнца, затем вновь появляется с другой стороны от него и светит полным блеском. Порой ее свет ярче, чем у Юпитера, но он меняется гораздо быстрее и резче. Ее блистание столь великолепно, что в сравнении с нею свет Юпитера производит поистине сдержанное впечатление. Марс тоже напоминает своим путем пути Юпитера и Сатурна. Но его движение бурное и мощное. Движение вперед охватывает несколько больше, чем весь небесный круг, так что каждое последующее обратное движение, при котором описывается отчетливая петля, идет несколько далее предыдущей петли. Всякий раз, когда приближается Солнце, движение Марса сильно ускоряется. Как будто он прилагает все усилия, чтобы поспеть за Солнцем, и лишь поневоле дает ему себя обогнать – так замедляется его ход вместе с дистанцией. Наконец, когда он отстает настолько, что Солнце оказывается противостоящим ему, он также должен проявить свое уважение к нему обратным, петлеобразным движением. У него сильный свет, но омраченный красным накалом. Также и он светит сильнее всего при попятном движении, то есть при своей оппозиции к Солнцу.

Сатурн, Юпитер и Марс, которые совершают свое обращение на небе свободно от Солнца, называют внешними планетами. Венеру и Меркурий – внутренними планетами. Внешние планеты идут своими путями далеко вокруг Солнца и Земли. Внутренние планеты

прокладывают свои пути частью между Солнцем и Землей. С точки зрения, которую мы здесь занимаем, мы можем причислить к внутренним планетам также Луну, хотя она движется вокруг Земли.

Важно еще, что при своем годичном попятном движении Юпитер кладет свои петли одну за другой в каждом созвездии Зодиака. Сатурн, который движется приблизительно в три раза медленнее, кладет три петли в одном созвездии. Венера отмечает своими петлями в небе почти пятиугольник, при этом всякий раз она перескакивает ряд углов. Меркурий описывает приблизительно треугольник.

В этом описании планетных движений мы имеем все хорошо видимые простым глазом небесные тела, действительно принадлежащие нашей планетной системе и именуемые планетами. Самые внешние планеты – Уран, Нептун, Плутон и др., – которые не видимы или едва видимы, мы оставили за пределами внимания. В этом мы примыкаем к древней оккультной традиции, но также и к духовнонаучному исследованию Рудольфа Штейнера. Лишь исходя из этой семерки, приходишь к завершеному, гармоничному целому. Самые же внешние планеты кажутся принадлежащими другой области.

Коперниканская система учила нас смотреть на Солнце исключительно как на неподвижную звезду. Также и из-за того, что мы с нашим современным сознанием целиком и полностью настроены на день и дневной свет, Солнце сильно навязывает себя нам за счет других планет. Тем не менее, оно имеет еще и другой аспект. Солнце – тоже планета среди других планет. Понятно, что оно выступает при этом как наиболее могущественная и благородная сила, Все остальные шесть планет являют своими движениями или в своих световых проявлениях то, что каждая из них по-своему должна считаться с ним. Но оно в досталь участвует в движениях других, и каждая из них имеет свою степень свободы. Ведь, в конечном счете, это оно ведет всех остальных, дает им силу и несет их.

3. Формы произрастания и планеты

На травянистых растениях мы могли подробно продемонстрировать, что их разновидность произрастания отражает взаимодействие Солнца и Земли. То же самое, в сущности, относится ко всем формам, какие мы описали. Но как раз во всех этих необычных, отклоняющихся навыках жизни мы можем почувствовать отголосок движений, которые планеты чертят в небе.

У лиственных деревьев, как и у трав, мы видим ежегодное развитие, но как их типичную способность – закрепление однажды достигнутого и тем самым большое созидание по ходу времени.

Широко и в строгом ритме осуществляется рост. Развитие происходит вместе с подъемом Солнца, с опусканием начинается образование почек и уплотнение веществ.

Точно так же о движении Юпитера можно говорить, как о систематическом созидании посредством множества следующих друг за другом отдельных движений. Движение вперед происходит там также вместе с Солнцем, в то время как в своем оппозиционном отношении к планете Солнце побуждает ее к попятному движению на ее собственном пути. Движение вперед явно проецируется на Землю как расширение и рост, попятное движение – как сжатие и отвердение.

И, подобно тому, как Юпитер в своем великом кругообороте свободен от Солнца, так и дерево в полном цикле своего роста сделалось независимым от кругооборота года. В малом же оба весьма точно следуют кругообороту года

У вьющихся растений мы замечаем продвижение вперед с помощью опор и, кроме того, наибольшую скорость и подвижность. Вьющееся растение развивается благоприятно, если крепко ухватится за что-либо более сильное, чтобы обвиться вокруг него. Это подобно тому, как Меркурий сопровождает Солнце и образует вокруг него петли. Сам путь Меркурия относительно невелик по размерам, но для этой планеты типично, что она мощно

захватывается Солнцем и что она каждый раз превосходит его в скорости, когда в движении вперед мчится мимо него.

При своем росте хвойные деревья из года в год выдвигают немного дальше свои ветви и иглы. Хотя своей систематичностью этот процесс сильно похож на процесс лиственных деревьев, но при сохранении старых иголок и отсутствии распространения вширь изменения оказываются весьма незначительными в течение года. Отвердение и уплотнение завершаются тотчас при появлении молодых органов

То же самое замедленное выдвигание вперед и едва ли не столь же сильное отступление назад мы встречаем в пути движения Сатурна. Петли, которые делает он, находятся на расстояния лишь одной петли друг от друга. В мире растений это означает, что распространение вширь едва в состоянии преодолеть стадию замыкания. В тенденции своей формы хвойные деревья останавливаются на форме линии. Если вспомнить, что мы излагали относительно опадания иголок и образования плода у сосен, тогда в этом особом случае мы увидим даже совпадающее замедление трехлетнего ритма, как у Сатурна в сравнении с Юпитером.

Кактус растет благодаря разбуханию, но без того чтобы за этим следовало значительное отвердение. Это производит впечатление соответствия постоянно скользящему вперед движению Луны, которое никогда не сопровождается даже малейшей задержкой или обратным ходом [5].

Рост кустарника сильно подражает движению Марса. Ведь здесь встречаешь мощный дугообразно направленный в разные стороны импульс роста, как будто надо завоевывать все пространство, и при этом опять-таки радикально новое, – как будто до того ничего не происходило, – начинание, чтобы по-новому завоевывать мир. Так и Марс не хочет знать покоя, пока не охватит всего мира одной мощной дугой, и, едва совершив это, вновь пускается в путь, чтобы сильнее осадить мир.

В коротком, быстром цикле роста горных растений как самое существенное отражается быстрое время обращения Венеры, которое намного короче одного года. Но тогда в великом стремлении этих растений к отдаче свободному небесному пространству и в их вспыхивании великолепными красками узнаешь отражение бури Венеры, которая хочет покинуть Солнце для свободного пространства; той бури, вспыхивание которой постоянно кончается высочайшим накалом.

IV РАСТЕНИЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

1. Виды произрастания у растений и развитие человека. Ключевое значение идей Шиллера

Существует тесная связь между ростом растений и тем, как человек участвует в жизни. Связь эта станет нам ясной лучше всего, если мы вспомним о том, как выработывал свои ботанические идеи Гете.

Сначала он долго занимался самими явлениями, неся в себе еще несколько неясную, но величественную концепцию основных принципов жизни. Так он помещал в почву действительности зачаток своего более позднего мировоззрения (Введение к «Естественнонаучным сочинениям Гете», издание Р. Штейнера, 1). Медленно набирал он материал и старался упорядочить его так, чтобы в нем могла высказаться идея. Когда же идея «пра-растение» наконец отчетливо встала у него перед глазами, он начал описывать свой материал в сочинении «Метаморфоз растения», подчиняя целое идее. Целое было проработано. В сущности, это было описание произрастания однолетнего растения, но и здесь он идет еще в направлении множественности явлений. Это еще разрастающаяся листва. Наконец, он очень концентрированно, в совершенно прекрасной форме объединяет все в стихотворении «Метаморфоз растения». Оно еще раз изображает рост растения, но столь

сжато, столь хорошо сформировано, что идея представлена в нем в наиболее совершенном виде. И именно ему обязано его учение своей особой плодотворностью. В «цветке» его учения, именно в этом стихотворении заключены драгоценнейшие семена. Гете указывает в нем не только на связь с развитием бабочки, но и на образ действий человека. Если мы возьмем это стихотворение как семя и посадим в глубины души, то сможем ожидать лучших плодов. Но тогда мы должны будем заниматься им с большой регулярностью и все время по-новому, как бы осуществляя жизненный процесс, который ведь тоже имеет обыкновение повторяться с величайшей регулярностью. Тогда мы увидим, как у нас в душе развивается что-то, и учимся вместе с тем действительно находить путь, который ведет в совершенно новые области.

Гетевские занятия имели своим содержанием ботанику, но и метод его работы был подобен росту растения.

Кропотливое собирание и обработка материала, построение из этого материала приблизительного образа, уточнение его до тех пор, пока не возникнет совсем тонкая форма, из которой навстречу нам будет сиять идея во всей ее красе, и наконец, образование семян, – все это имеет значение и для рабочего метода Гете и для роста растений.

Чтобы показать, что эта закономерность имеет значение и для всех других областей человеческой жизни, возьмем развитие дарования художника. Вначале его творческий задаток еще совсем зачаточен и выражается пока в виде сильного влечения. Он постоянно делает рисунки. Каждый клочок белой бумаги идет в дело. Затем начинаются достаточно систематические упражнения. Делаются этюды и наброски, наблюдения, собирается материал, медленно возникают большие по размерам работы, которые пока еще не удовлетворяют его, потому что – хотя он постоянно достигает большего – они еще не достигли того совершенства, которое поднимает произведение над средним уровнем повседневной культуры. Наконец может настать мгновение, которого можно пожелать каждому художнику, – то мгновение, когда он начинает работать в своей области не только по внутреннему влечению, но и по призванию. Он сознательно берется за высокую задачу, которую хочет осуществить. Он начинает повышать свое мастерство так, что идея с большим совершенством может выражаться в его работе.

Это опять-таки тот же путь, какой избирает растущее, расцветающее растение.

Да и на крупных изобретениях, например на автомобиле, можно было бы показать, что развитие следует этому принципу.

В то время как Гете описывает рост растения и отсюда ищет путь к человеческой жизни, его великий друг Шиллер пытается описать самое глубокое в человеческом развитии в своих «Письмах об эстетическом воспитании человека».

С помощью всего, чем мы до сих пор занимались, можно показать, что существует полный параллелизм между гетевским учением о метаморфозе и тем, что содержат письма Шиллера, то есть между развитием растения и развитием человека. Чтобы не отклоняться в слишком подробное рассмотрение, здесь будет дано не более чем ключ к этой связи. Разработку этого вопроса можно предоставить тем, кто сделает письма Шиллера предметом серьезного изучения. Со всем этим мы остаемся весьма близко к избранному нами здесь исходному пункту, ибо свои идеи о призвании человека Шиллер черпал большей частью из рассмотрения стиля жизни Гете. Гете изучает растение и не только находит глубокие законы жизни, но и пытается осуществить их. Шиллер изучает Гете и находит глубокие законы человеческой жизни. Неудивительно, что существует связь между ботаникой Гете и учением Шиллера о человеке.

Шиллер указывает, что у человека все можно свести к двойственности: персоне (Person) и состоянию (Zustand) (см. П письмо) Персоной он называет то, что является самым глубоким сокровенным существом человека. Примечательно, что он не делает одного определенного вывода, а именно, что персону вносит через рождение в земное бытие, а при смерти уводится и отнимается у земной жизни, хотя он и говорит, что персону вечна и неизменна. Персона запечатлевает свой собственный характер на всем, что происходит в

человеке и вокруг него. Понятие состояние указывает на непрерывные изменения, возникающие благодаря меняющемуся отношению к окружающему.

Персона застыла бы в качестве возможности, задатка, если бы ей навстречу из мира не шло чего-то, что Шиллер называет «материей» (Stoff). Сюда относятся в первую очередь ощущения, которые обязаны действию органов внешних чувств и которые всякий раз меняют состояние. Затем сюда относится то, что непосредственно связано с ощущением: чувства, телесные влечения и вождения.

Хотя Шиллер здесь об этом и не говорит, но даже в чисто телесной области можно говорить о том, что персона должна принимать и перерабатывать вещество (понимаемое здесь физически), чтобы построить облик, являющийся выражением ее собственного существа.

Тем более эта необходимость в принятии вещества имеет значение для мышления. Без восприятий оно оставалось бы только задатком. Только посредством переработки ощущений мышление активизируется и начинает осуществлять себя. Но как только оно приходит к активности, оно устремляется к преодолению меняющегося, временного и сведению всех явлений к строгим законам, чтобы отбросить все случайное как завесу и раскрыть вечное, от которого непосредственно происходит персона.

Ощущения же, напротив, непрестанно ведут человека прочь от себя самого, из области неразрушимого в сферу изменчивого и преходящего. Здесь человеком владеет то, что Шиллер называет «влечением к материи» (иногда встречается также выражение «влечение к вещам» – Sachtrieb). При подлинном волении человек так преобразует мир вокруг себя, что тогда выражается также его истинное существо, его собственная персона, которая несет в себе вечные законы вещей. Стремление к осуществлению собственного вечного существа в мышлении при переработке «материи» и в волении при организации «материи» Шиллер называет «влечением к форме».

У растения мы также находим неразрушимое, причем – в потоке поколений. Это то, что как задаток живет во всех растениях одного вида и что как форма, как облик стремится к осуществлению с помощью воспринятого и переработанного вещества. Стало быть, мы и у растения находим принятие вещества из окружающего мира. Сюда относится особенно усвоение углекислоты и света листьями. Вещество полностью перерабатывается в собственную субстанцию [6].

В растительной форме, в растительном облике, в отдельном экземпляре растения задаток, имеющий дело с видом, осуществляется в веществе, а вещество формируется задатком.

Следовательно, в связи с предыдущим, «влечение к форме» у человека мы можем сравнить с тем, что у растения исходит от вертикали, а «влечение к материи» у человека с тем, что у растения исходит от периферии.

Благодаря наблюдениям Шиллера и Гете мы теперь можем познать и сравнить одни и те же основные законы в, казалось бы, столь далеких одна от другой областях, как жизнь человека и жизнь растения.

2. Метаморфоз образа жизни

Найдя параллелизм между основными принципами растительной жизни и человеческой жизни, мы можем применить образ мышления, использованный нами применительно к растениям, для достижения руководящих линий в рассмотрении и понимании человеческой жизни.

В сравнительном порядке рядом с типом произрастания мы можем поставить образ жизни.

Вертикальная тенденция выявляется у человека в стремлении, воля, самому определять вещи или, мысля, перерабатывать вещи в собственное достояние. Периферийная тенденция

становится у человека стремлением, ощущая и чувствуя, отдаваться окружающему миру. Вертикали человек обязан тем, что он может включить себя в мир как самостоятельное существо. Благодаря периферии он в состоянии воспринимать мир и перерабатывать его в собственное содержание.

1. У растений *травянистого типа* существует полное равновесие между вертикалью и периферией.

Применительно к человеку мы имеем здесь дело с типом, у которого «влечение к материи» и «влечение к форме» находятся в абсолютном равновесии.

2. У *древесного типа* перевешивает вертикаль, тогда как периферия следует за ней и служит.

Будучи применено к человеку, это значит, что влечение к форме действует столь мощно, что собственное существо возводится прежде всего к величию и могуществу. Влечение к материи сильно соучаствует, так что все опыты, какие может принести жизнь, энергично принимаются и перерабатываются. В силу того, что достигается благодаря этому, такое существо может опять-таки сильно воздействовать на свое окружение, давая ему форму.

3. У растений *вьющегося типа* господствует периферия, тогда как вертикаль следует за ней и служит. Человек, который держится соответственно этому, позволяет полностью руководить собой влиянием, проистекающим из области влечения к материи. Влечение к форме используется для того, чтобы открывать себе путь в эту область. Такой человек целиком направлен на свое окружение и пытается приспособиться к нему. Его главной проблемой является; чего я могу добиться, приспособившись к самому внешнему?

4. У дерева *хвойного типа* вертикаль перевешивает настолько, что подавляет периферию и в своих воздействиях продолжается даже там, где должна была бы действовать периферия.

У человека, который держится подобным образом, влечение к форме действует столь односторонне, что он хочет целиком и полностью самостоятельно определять себя независимо от обстоятельств. Что бы ему ни встретилось, он всегда будет иметь ровный спокойный вид. Действуя, он будет непоколебимо следовать определенному, однажды избранному направлению. Подверженность влиянию влечения к материи минимальна. О приспособлении едва ли может идти речь. Это не значит, что он ничего не воспринимает из мира. Быть может, то, что принимается, сравнительно невелико, но будучи воспринято перерабатывается с большой интенсивностью. Вся личность играет роль даже при получении простых опытов. Только когда переработка полностью завершена, когда опыт полностью стал собственной субстанцией, он переходит к реакции. И она опять-таки исходит из глубин личности.

5. У *типа кактуса* периферия перевешивает настолько сильно, что подавляет вертикаль и даже посягает на ее место. У человека, который так держит себя, чувство самого себя связано не с его глубоким существом, а зависит от отношения к внешнему миру. Влечение к форме настолько слабо, что стремление к развитию мало дает знать о себе и все, что воспринимается, остается в довольно-таки непереработанном состоянии. Поскольку доминирует влечение к материи, вся жизнь состоит главным образом из стремления насколько возможно уподобиться окружающему миру и по возможности усвоить его. Мир принимается таким, каков он есть, и то, чем владеют, стараются содержать с величайшей тщательностью.

6. У *кустарникового типа* вертикаль как бы стреляет выше цели, тогда как периферия более или менее отстает.

Стебли, носители вертикального принципа, выбиваются большей частью даже в периферийном направлении.

У человека, который живет таким образом, влечение к форме направляется в первую очередь на его окружение. Интерес мало направлен на переработку того из окружающего мира, что обязано своим происхождением влечению к материи.

Это значит, что такой человек чувствует стремление горячо вторгаться в окружающий мир и вызывать изменения в нем без достаточной мотивировки своих действий или их приспособления к нему.

Ощущения, лишь немного перерабатываемые мышлением, выражаются непосредственно в волевых импульсах, за которыми стоит вся сила такой личности. Там, где должна была бы быть восприимчивость, находится активность. Всякая самоотдача отсутствует.

7. У типа альпийских трав вертикаль лишь незначительно изживается в образовании стебля. Она как бы истощается периферией, обнаруживающей быстрое бурное развитие.

Человек такого стиля жизни опять-таки всецело позволяет руководить собой окружающему миру, но ищет не столько повседневно-привычного, сколько того, что оправдывает высшую самоотдачу. Вся личность снова и снова изживается в одной великой эмоции. Не остается силы, чтобы из себя давать форму жизни.

Наверняка стоит еще раз тщательно сравнить все это с одной цитатой из 13-го письма Шиллера.

"Так как мир есть протяженность во времени, есть изменение, то совершенство способности, приводящей человека в связь с миром, должно состоять в наивозможно большей изменяемости и экстенсивности. Так как личность [Z] есть пребывающее в смене, то совершенствование той способности, которая противодействует изменению, должно состоять в наивозможно большей самостоятельности и интенсивности. Чем более разовьется впечатлительность, тем она подвижнее, чем большую поверхность она будет обращать к явлениям, тем большую часть мира охватит человек, тем больше способностей он разовьет в себе. Человек поймет тем большую часть мира, тем больше форм создаст он вне себя, чем большей силой и глубиной будет обладать его личность, чем большую свободу приобретет его разум. Итак, его культура будет состоять в следующем: во-первых, доставить воспринимающей способности разнообразнейшие соприкосновения с миром, а в чувствах развить наибольшую пассивность; во-вторых, для определяющей способности приобрести наибольшую независимость от восприимчивости и развить возможно более активность разума. Человек лишь тогда достигнет высшей полноты бытия в соединении с высшей самостоятельностью и свободой, когда оба качества соединятся, и вместо того, чтобы потеряться в мире, он впитает в себя мир со всей его бесконечностью явлений и подчинит единству своего разума"[8].

Возникает впечатление, что у Шиллера перед глазами стояли образы, подобные тем, что предоставляют нам растения, но это, совершенно точно, не могло иметь места. Особенно последнее положение сильно напоминает нам о дереве.

3. Что можно прочесть в природных образах о характере человека

Перенеся на человеческую жизнь образ мышления, имеющий свое значение для мира растений, и сконструировав на чисто теоретическом пути семь типичных образов жизни, мы должны теперь попытаться дать конкретное содержание этим последним.

Мы сможем сделать это, учась как бы читать и «переводить» природные образы, которые являют нам типы произрастания. Кроме того, мы можем применить нашу характеристику планет.

Все изложенное, стало быть, будет постоянно стоять позади набросков, которые будут даны теперь. Разумеется, нечто подобное может иметь некоторую реальную ценность, только согласуясь с полнотой жизненных опытов. В конце концов, речь идет не об абстрактной игре ума, а о том, чтобы пронизать действительную жизнь лучами ясных мыслей.

Теперь изучение этой книги становится несколько сложнее. Каждый раз что-то из сказанного прежде, имевшее значение до сих пор только для растений, должно будет

рассматриваться заново, причем так, что будет говорить совершенно иным языком. Да и набросанные типы будут рассмотрены в последующих главах с иных сторон. Эти различные аспекты должны быть найдены, чтобы извлечь из них действительно все, что только возможно. Если вспомнить, что находишься здесь в области жизни, то будет понятно, что такие сложности неизбежны. Мы находимся здесь в царстве, где все связано со всем. Часть нужно видеть, ни на мгновение не теряя из виду ее связи с целым.

Говоря о каждой особенности образа растения, надо было бы все время говорить: это означает то или иное в области человеческой жизни. Это потребовало бы необычайно обширного изложения; мы же хотим ограничиться здесь краткими зарисовками и указаниями. Тот, кто действительно активно проработает эти вещи, сам найдет все, что ему для этого понадобится.

1. При первом типе мы должны представить себе вполне развитое, цветущее *травянистое растение* в его жизненной среде на лугу (см. п. 2). Человек, который живет по типу такого растения, способен осуществлять нечто очень трудное – соединять великие противоположности. Он самостоятелен и способен действовать, следуя первичным импульсам. Он сам определяет свое поведение в отношении вещей. Но одновременно он способен на величайшую самоотверженность и тактичную сдержанность. Он никогда не стремится на передний план, чтобы оттеснить или затмить других. Он готов к братскому, терпимому образу жизни. В сущности, он в своей стихии, когда может вести свою жизнь так, чтобы она была созвучна жизни большинства единомышленников.

Если мы теперь учтем еще солнечную природу и движение солнца, как мы описали их в III, 1 и 2, то будем знать, что этот тип, – если он вполне развит, – несет в себе величие, озаряющее все вокруг своими яркими лучами. Несмотря на это, он умеет находить средства и пути, чтобы жить как брат среди братьев. Безоговорочно он приводит в действие свою силу ради других, так что те могут лучше исполнять свои жизненные задачи. От человеческого существа этого рода исходит призыв к каждому развиться до своей высочайшей вершины. Он исполнен готовности участвовать во всем, но также одушевлен сильной волей довольствоваться тем, что имеет на своем гордом пути.

2. Образ *дерева* указывает на стремление к достижению все превосходящего величия и опоре на себя самого. Человек с такой натурой может добиться могучего самоосуществления, сильно перерабатывая в мышлении и стараясь включить в собственное существо все, что ему предлагает жизнь. Чем больше сумятицы вокруг него, чем больше меняются обстоятельства, тем сознательнее такой человек упражняется в сдержанности и старается в благородном спокойствии преодолевать трудности.

Мыслительно он будет строить себе совершенно упорядоченное, всеобъемлющее мировоззрение.

Где бы он ни находился, он всегда будет чувствовать себя посередине всего мирового процесса и всегда оставаться в сознательном взаимодействии с ним.

Его воля будет выражаться прежде всего в стремлении строить с величайшей систематичностью – как если бы он клал камень на камень и уже с самого начала видел целое; так будет строить он свое собственное существо и дело своей жизни.

У этого существа все настроено на далекую перспективу. Его не легко увлечь внезапными эмоциями и, безусловно, не заставить быстро изменить свое направление. И все-таки такой человек может быстро реагировать. Если возникнет трудная ситуация, он сможет непосредственно принять меры так, как это отвечает всему характеру его поступков.

Но как дерево редко цветет прекрасными цветами, так и здесь мы не найдем того высшего воодушевления, которое ведет к полному выявлению существа, как это бывает в настоящем произведении искусства.

Собственное существо человека здесь чрезвычайно деятельно, но оно обнаруживает во всем, вплоть до самовыявления, величайшую сдержанность.

3. Образ *вьющегося растения* указывает на самое сильное стремление достигнуть многого в мире, каков он есть. Опыты, вытекающие из встречи с окружающим миром,

меньше перерабатываются согласно их собственной ценности, но искусно применяются в свою пользу. В мышлении эта склонность становится способностью к искусному комбинированию. Здесь дело прежде всего в молниеносной оценке ситуации и ее полезности. Следовательно, вещи никогда – как требует того подлинное мировоззрение – не выводятся из какого-либо центра, а рассматриваются лишь в их поверхностной связи.

Чувство не сильно и не глубоко. Оно очень направлено вовне и быстро реагирует на все воздействия. Совсем особо находится оно на службе бойкой ориентации в обстановке. В сущности, все существо охвачено одной сильной страстью – возвыситься, чего бы это ни стоило. Это, по сути, весьма эгоистическое поведение. Воля, следовательно, не очень продуктивна.

Вследствие этого мораль рискует быстро истощиться. Она постоянно гласит в глубине существа человека. Но если только признаешь мир, каков он есть, то для морали уже не остается места. Как и у вьющегося растения, при такой установке человека многое достигается малыми средствами, причем он должен располагать большой находчивостью и подвижностью.

4. Если человека, который реагирует подобно *хвойному дереву*, хотя бы воодушевить каким-либо планом, то от него никогда нельзя ожидать тотчас сильного отклика. Легко может случиться даже, что он заговорит о вещах, которые уже жили в нем самом, так что можно подумать, что он едва ли верно расслышал сказанное. А он просто держится подобно хвойному дереву, у которого нас встречает сначала прошлое, то, что уже прошло. Сказанное, хотя и было воспринято, опускается у слушающего как бы в бездонную глубину. Но затем его можно будет пережить, когда много позже, когда сам план будет почти забыт, этот человек, полный огня, расскажет о нем другому или с большим упором и серьезностью возвратится к нему.

Такой человек часто производит вначале несколько скучное впечатление. Но оно меняется, когда он сообщает о вещах, произошедших ранее.

Жизненные опыты принимаются необычайно интенсивно и перерабатываются чувством, которое имеет в себе нечто от строгости мышления. Воспринятое однажды перерабатывается мышлением не тотчас же, но сначала удерживается в памяти. Каждое мгновение оно может всплыть снова. Оно остается тогда почти неизменным, но приобретает больше жара в зависимости от того, связано ли оно с чем-либо, что лежит далеко позади. Живое формотворчество и еще больше – способность переделки формы или метаморфоза, как и у хвойного дерева, явно слаба.

Для этого человеческого типа силу и действительность получает все, что прошло, как если бы он нес в себе глубочайшие подосновы. Благодаря этому его внутренняя жизнь особенно интенсивна и состоит преимущественно из движения в ткани несколько грустных воспоминаний. Мгновенная реакция на какое-либо событие почти невозможна. Это событие должно стать сначала воспоминанием, лишь тогда личность сможет связаться с ним и реагировать на него изнутри себя.

Мышление работает несколько схематично и даже догматично, потому что оно находится под сильным влиянием памяти. То, что имело силу однажды, должно все снова иметь эту же силу. Новая ситуация, для которой требуется новое понятие, может вызвать определенное беспокойство, потому что она не хочет соответствовать тому, что было однажды. Воля направлена преимущественно на то, чтобы без малейшего отступления осуществлять то, что сделалось убеждением однажды. Это может придавать определенное величие всему стилю жизни. Тем не менее, это легко вызывает так же сопротивление всякому новшеству, даже если оно необходимо.

Несмотря на многие трудные качества, среди людей этого типа можно встретить интереснейших людей. Они в известной мере вправе больше, чем кто-либо другой, определять свой образ действия исключительно изнутри, потому что в своем чувстве они одарены особой связью с глубинами божественной подосновы.

Люди, принадлежащие к этому типу, часто склонны к мрачному, унылому настроению,

ибо они лишь с трудом видят ростки будущего, а если последние исключаются, то остается то, что подлежит смерти и распаду. Эти люди полностью связаны с творческими силами, действовавшими когда-то, и поэтому весь их образ жизни определяется фундаментальным убеждением: идея была деятельна однажды и уже удалась из мира явлений.

Пыл, который они несут в себе, они ощущают словно последнее догорание огня творческих сил. Внешний мир уже обратился в пепел. Они не только несут старость в себе, но и мир выступает перед ними в облике старца, близкого к смерти.

5. Типу *кактуса* соответствуют люди, которые хотя и воспринимают то, что идет к ним из мира, но внутренне едва перерабатывают это и также мало выражают собственное существо в том, что делают. Их интерес направлен главным образом на гладкое течение повседневной жизни у них самих и у ближайших членов их семьи. Они действительно напрягаются лишь тогда, когда речь идет о том, чтобы позаботиться о благополучном течении жизни. «Жизненный процесс» надо брать здесь в самом широком смысле, так что под ним можно понимать и еду, и сон, и здоровье.

Эти люди убежденно тянут к себе и удерживают все, что необходимо для уютного существования, и окажут сопротивление всему, что могло бы помешать их спокойному благоденствию. Трудностям или опасностям они подвергнут себя лишь под давлением обстоятельств и не охотно отваживаются выходить из узких границ их собственной ограниченной сферы. Их чувствование, следовательно, есть скорее суждение о том, что благоприятно для их собственного самочувствия. Их симпатия простирается на все, что пригодно для этого, а их антипатия – на все, что мешает,

Их мышление не продуктивно и не проникает в вещи. Это не значит, что здесь невозможно быстрое и старательное размышление над мыслями других. Они располагают порой весьма гибким интеллектом. Воля направлена в первую очередь на самосохранение и на поиск благополучия, на консервацию жизни.

Нельзя предаваться иллюзиям в отношении этого типа. Это явление времени, что весьма большое число людей живет сегодня в этом стиле. Могло бы показаться иначе, потому что такие люди часто в состоянии живо выказывать себя и поэтому с виду много выявлять своего. При ближайшем же рассмотрении весь их разговор оказывается лишь повторением общих мест. Можно сказать, что «масса» в высокой степени представляет собой явление, принадлежащее этому типу.

6. *Кустарник* указывает на человеческий тип, который всегда убежден в том, что все, что он несет в себе, настолько важно, что он должен непосредственно вторгаться в мир, чтобы вызвать глубокие изменения в нем. В таких людях постоянно что-то взмывает, что они хотят со всей силой их личности вывести из себя или осуществить. Но едва они более или менее осуществили одно, от чего однако зависит все, как с той же страстностью они хватаются за что-то иное, что часто даже противоречит предыдущему. Все их существо охвачено бурным волением, не знающим никакого удержу. Ничто не может развиваться постепенно, все должно происходить с напряжением всех сил.

Как правило, для этого типа вполне возможно приобретение мыслительно ясных познаний, но их опять-таки необходимо тотчас переводить в действие или о них надо раструбить во все стороны. Ничто в его собственном существе или в его окружении не получает возможности полного вызревания.

7. Люди, живущие подобно *горным растениям*, постоянно обнаруживают склонность к растворению в чем-то одном, что им кажется наивысшим. Все снова отдаются они чему-то, что целиком наполняет их. Мышление не самостоятельное. Идеи других принимаются гораздо серьезнее, чем собственные; они могут вызвать часто даже пламенный энтузиазм. Чувство склонно к почитанию и самоотверженности. Человек с таким предрасположением будет постоянно искать чего-то, чему он может отдаться в почитании.

В воле живет стремление полностью растратить себя, чтобы воспламениться тем, что ощущается важным вовне. Следовательно, здесь налицо склонность искать центр за пределами себя.

V КАК ЖИЗНЬ МИРА ПЛАНЕТ ОТРАЖАЕТСЯ В ОБРАЗЕ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

1. Возрастные периоды и планеты

В этой главе мы будем исходить из одного указания Рудольфа Штейнера (в цикле лекций «Сознание посвященного») о планетарных влияниях во время различных возрастных периодов человека. Благодаря этому наш труд станет законченным целым. Мы исходим, следовательно, из результатов исследовательского метода, который надо выработать всеобъемлющей внутренней школой, прежде чем применять его. Принимая эти результаты в нашем контексте, мы имеем возможность осветить их, и благодаря этому они станут понятны и приемлемы.

От рождения до седьмого года ребенок находится преимущественно под влиянием Луны. Это отрезок времени, во время которого собственное существо ребенка еще довольно скрыто и может выявлять себя лишь очень просто. Но не следует думать, что-то, что выявится позже как личность, еще не действует. Напротив, глубокое существо действует скрыто, занято наивысшей, гениальнейшей работой. Под руководством высоких сил тело формируется и развивается в орудие, приспособленное для этой особой личности. Позже это орудие сможет применяться сознательно.

В этом раннем возрасте человек еще подобен почке у растения. У нее также еще не выражено ее собственное существо.

Одним из самых примечательных свойств ребенка, находящегося в этом возрасте, является стремление принимать людей окружающего его мира столь серьезно, как если бы он стоял перед божественными властями. С глубоким, но бессознательным благоговением он воспринимает все, что переживает в связи с ними и старается сформировать собственную организацию по этому образцу. Дитя развивается прежде всего благодаря подражанию.

С седьмого по четырнадцатый год действует Меркурий. Физическое тело теперь до определенной степени сформировано. Часть сил, помогавших этому формированию и росту, изымается теперь из своей функции и предоставляется в распоряжение развитию сознательных способностей. Здесь мы касаемся тайны, которую должен был бы знать каждый педагог. Часть жизненных сил ставится в этом возрасте на службу мышлению. Человек мыслит теми же самыми силами, которые некогда строили его тело. Дитя теперь созрело для учебы, можно начать формировать его память.

Однако не только в мышлении, но и в других областях ребенок начинает располагать творческими способностями. В этом периоде жизни он становится художником. Он хочет рисовать, лепить, танцевать, петь. В переливающейся через край фантазии, с помощью которой все в его окружении переделывается и ставится на службу игре, также выражается освободившаяся жизненная сила.

При правильно направляемом развитии ребенок находит теперь человека, на которого он может взирать как на авторитет. Он уже не принимает самоотверженно всякое влияние из окружающего его мира, он хочет теперь слышать: это хорошо, это достойно порицания. Он хочет развиваться и вращаться в мире, но он ожидает при этом опоры и руководства.

Он хочет приобрести как можно больше способностей и навыков. *С четырнадцатого по двадцать первый год* человек сильнее всего находится под влиянием Венеры. Вначале не только жизненные силы, но и глубокие душевные силы были связаны с органическим и помогали его формированию. С четырнадцатым годом часть этих сил опять-таки освобождается для сознательного употребления и теперь дает основание для душевных процессов. Вместе с тем пробуждается большой интерес к миру и сильная потребность все понимать и обо всем судить. В сущности, силы, которые освобождаются и действуют в этом интересе к окружающему миру, суть силы любви. Сила любви, обращающаяся к другому

полу, – это только часть всего того, что начинает работать в душе. Но хотя теперь фактически выявляются влюбленность и увлечение, приходит великая самоотдача единому.

С двадцать первого по сорок второй год сильнее всего действует солнечное влияние. С двадцать первого года начинается, освобождаться и развиваться собственное духовное существо человека, человеческое "Я", действовавшее до тех пор в построении организма. В это время человек становится вполне взрослым – не больше и не меньше. До этого времени речь шла о поиске постепенной связи с окружающим миром. В сущности, можно было бы сказать, что здесь перевешивает влияние, оказываемое окружающим миром. Теперь возникает равновесие между собственным существом и отношением к окружающему миру. Теперь человек сильнее всего склоняется к тому, чтобы обходиться с другими людьми как с равными себе.

С сорок второго по сорок девятый год человек находится больше всего под влиянием Марса. Если он серьезно относится к своему развитию, то с этого возраста в нем начинает доминировать его духовное существо. Человек целиком и полностью познал свою задачу и чувствует сильное стремление осуществить ее несмотря на все препятствия. Это период жизни, когда человек может располагать величайшей силой, направленной вовне. Влияние окружающего мира уменьшается.

С сорок девятого по пятьдесят шестой год сильнее всего влияние Юпитера. Теперь человек довел свою жизнь до высшего пункта. Много опытов дали его личности возможность полностью вырасти и созреть. Теперь она способна полностью покоиться в себе самой. Все это уполномочивает человека на большую ответственность. От вполне развитого человека можно ожидать, что его поступки, вытекающие из самой личной инициативы, будут одновременно совершенным выражением духовных задач, которые он действительно должен исполнить. Это время его величайшей мощи.

С пятьдесят шестого по шестьдесят третий год начинает действовать Сатурн. Отныне можно чувствовать явное убывание сил. Потребность вмешиваться в жизнь и совершать важные деяния начинает исчезать. Вместо этого внутренняя жизнь, кажется, приобретает все большую глубину. Это как начало тихого возвращения в лоно Отца. Во внешнем – полный покой, во внутреннем больше и больше проступает склонность к жизни в воспоминании, сопровождаемом теплым чувством.

2. Выведение образа жизни из возрастных периодов

Подобно тому, как из стадий роста травянистых растений мы можем вывести формы произрастания у растений вообще, так теперь из возрастных периодов мы можем вывести типичные образы жизни людей. При этом еще раз весьма отчетливо обнаруживается, что образы жизни находят свое отражение не только в типах произрастания растений, но и находятся в глубокой связи с соответствующими планетами. Одновременно благодаря этому становится понятнее многое, что до сих пор оставалось скорее описанием,

Применительно к людям, удерживающим в более поздней жизни нечто из периода первых семи лет, можно говорить о *лунном типе*. В качестве формы произрастания параллель к нему составляют масличные растения. Люди этого типа не смогли освободиться от деятельности их собственной организации. Это освобождение является одновременно действием сил смерти. Лунный тип отмечает их. Из-за этого душа и дух остаются слишком сильно скованными и не позволяют возникнуть свободному взаимодействию с миром. До глубокой старости главные интересы у людей этого типа направлены на собственные жизненные процессы.

Удерживается даже склонность к подражанию, но она сделалась теперь стремлением быть такими, как все. Для этих людей убедительным аргументом считается только «все так делают!».

Развитие в смысле внутреннего углубления у них едва ли существует. Преуспевание

означает для них увеличение имущества и удобств, как у маленького ребенка рост в существенной части состоит из прироста вещества.

Тип Меркурия, соответствующий вьющимся растениям как форме произрастания, удержал нечто из периода жизни между 7 и 14 годами. Отсюда объясняется тайна своеобразного искусства, с каким этот человеческий тип умеет завоевывать себе место под солнцем, и вся его кажущаяся самостоятельной активность. В действительности все поведение и здесь, как у ребенка между 7 и 14 годами, базируется на большом старании достигнуть того, что говорит авторитет. А этот авторитет часто есть не что иное, как общественное мнение или ходячее научное воззрение. Порой этот авторитет обретается в определенных лицах, которые ценятся особенно высоко.

То, как вьющееся растение обвивается вокруг чего-либо, отражает этот ориентированный на авторитет образ жизни.

Тип Венеры отражается в альпийских растениях. Он сохранил черты из периода между 14 и 21 годом. Люди этого типа руководствуются в своих реакциях одной душой. Все в них остановилось перед развертыванием самостоятельного, собственного существа. Уверенного, самостоятельно избранного образа действий чувствуется мало. Внутренняя жизнь колеблется туда и сюда в пылких эмоциях, в искренней симпатии и самом резком отталкивании. Он склонен развивать во всех областях жизни образ действий, являющийся самим собой разумеющимся в любовной жизни.

Солнечный тип был бы, в сущности, самым нормальным у человека, как травянистая форма роста у растений. Но он одновременно есть то, что встречается редко или все равно что никогда, что надо постоянно завоевывать величайшим усилием: он выделяется полным равновесием между душой и духом, между способностью отдаваться своему окружению и тем не менее определять вещи, исходя из самого себя.

Тип Марса, подобный форме произрастания кустарника, рано проявляет себя так, как если бы он уже достиг возраста с 42 по 49 год. Из-за этого у него существует склонность при всяком случае пускать в ход всю мужскую силу. Каждое действие предпринимается так, будто тем самым должно исполниться посланничество, которое оно исполняет, не считаясь с какими-либо препятствиями. Все, что говорится, произносится с такой силой, как будто бы речь идет о важном благовестии.

Тип Юпитера, представляющий параллель дереву как форме произрастания, держится, как если бы он уже достиг возраста между 49 и 56 годами. Такой человек противостоит всем событиям, реагируя как бы из своего вполне развитого духовного существа. Он обо всем говорит спокойно, как будто уже достигнута полная жизненная зрелость. Такой человек не так уж легко теряется. Он постоянно сдерживает себя, как если бы обзирал все с высоты зрелого жизненного опыта. Ему всегда видна связь с другими, и он будет держать открытым путь для более важного, отдаленного.

Тип Сатурна, которому как форма произрастания соответствует хвойное дерево, уже очень рано начинает жить с силами старости. Он предвосхищает период жизни между 56 и 63 годами. Этим объясняется, что он не может так быстро воодушевляться чем-либо новым, и уже в юные годы с большой глубиной живет в воспоминаниях. Это объясняет и тот факт, что этот тип являет всегда ровный спокойно-серьезный облик и что обстоятельства вызывают у него мало реакции.

3. Метаморфозы типов в направлении добра и зла

В человеческой жизни все развивается так, что каждая сила, каждая способность может сделаться чем-то добрым или чем-то дурным.

Склонности, которыми мы обязаны *Луне*, полезны в отношении всех вещей, с которыми надо обращаться, как всегда, то есть при всякой скорее механической, повседневной работе. Если при этом держаться, как бы осуществляя жизненный процесс, но

не стремясь каждое мгновение к встрече с самым великим, то даже при самых тяжелых обстоятельствах разовьется весьма здоровая, стойкая жизненная сила.

Лунные силы действуют фатально, когда человек без всякого принуждения предается своим жизненным процессам и всему тому, что тело навязывает душе в вожделениях и влечениях. Благодаря этому может возникнуть также склонность к накоплению имущества, прежде всего денег, без малейшего понимания того, что деньги имеют значение лишь в обращении. Кто поступает таким образом, обращается с деньгами, как кактус с водой.

Явлением нашей эпохи, имеющим много общего с подражанием, является мода. Каждый, кто следует моде, живет в какой-то мере как дитя до семи лет, так, что его собственное существо не выявляется. Он целиком предается тому, что «делают» и некритично следует этому.

Крайне опасными эти силы подражания могут стать, если их следствием является участие в больших массовых движениях.

Меркурию мы должны следовать при всяком обучении и упражнении, при вступлении в каждую новую область. Как могли бы мы достигать более высокого уровня, если бы не хотели слушать того, чего уже достигли мастера? Меркурий помогает нам становиться профессионалами.

Не так хорошо, если достигнутая способность обращается в виртуозность, а она становится ею, если развитие останавливается на стадии сил Меркурия. В музыкальной области, например, техника имеет значение лишь постольку, поскольку помогает выявлению более глубокого содержания музыки. Слишком большое техническое умение часто соблазняет на бездушную, пустую игру.

Явно скверно применяются дары Меркурия, когда пытаются достигнуть чего-либо с помощью обмана. В таких случаях изворотливость особенно сильно перевешивает все остальные функции.

Меркурий тоже может соблазнить человека к участию в массовых движениях. Тогда речь идет большей частью о том, чтобы приобрести себе выгоды с помощью других.

Если бы не действовала *Венера*, как бы тогда могли мы воспарять над серой повседневностью? Венера дарует нам способность воспламеняться воодушевлением, возвышаться душой от созерцания произведений искусства.

Но так же, как мы обязаны Венере даром воодушевления к осуществлению истинных идеалов, она может соблазнить нас мечтательностью, воодушевлением ложными идеалами.

Существует малоотрадное явление нашего времени, когда многие люди жертвуют своими лучшими силами одному-единственному, весьма одностороннему идеалу. Один делает все ради воздержания, другой – ради вегетарианства, третий – ради идеи мира. Но фатально при этом то, что обыкновенно эти люди живут в иллюзии, будто они делают что-то весьма благое, не замечая, что они упускают при этом свое действительное развитие! Если кто-нибудь думает, что самое важное – это чтобы была осуществлена единственная мысль, которую он признал верной, У него останется мало места для чего-либо иного. Лелеяние идеалов есть высочайшее в жизни, но оно может быть губительно там, где вырождается в односторонность.

Другим следствием действия Венеры является склонность к переживанию любой ценой сильных эмоций. Если случилось, что нет ничего важного, что могло бы внутренне возбуждать такой тип, то часто сомнительные слухи и даже чистый вымысел будут преподноситься как нечто потрясающее.

Часто встречаются люди, которые постоянно попадают в самые невозможные жизненные ситуации и ужасно, казалось бы, страдают от них. Но если внимательнее рассмотреть такие случаи, то в отношении многих из них можно будет констатировать, что эти люди сами искали или вызывали эти ситуации, и что, в сущности, они наслаждаются ими, потому что переживают в них сильные эмоции.

Солнечной является радость сосуществования с другими людьми. Солнечным является также интерес ко всякому зачатку, который раскрывается в другом человеке. Солнечным

будет умение радоваться каждой способности другого, даже тогда, когда она превышает твою собственную.

Жить общей жизнью и иметь общие стремления с людьми самого разного рода, при этом каждого нести в себе и переживать участь каждого, – это великая способность, чьим прообразом является Солнце.

Менее прекрасно высказывается солнечная природа, когда подбивает человека выступить как блистательное, желающее все собой затмить явление, требующее внимания и признания. Там, где на первом плане находится желание выделиться и быть в центре, а не дарение и разделение чужой участи, там человек солнечной природы выскажет несносное самомнение и высокомерие.

Марс дает силу к вступлению в борьбу, и невзирая на все сопротивление, все разочарования, неустанно и с полной отдачей сил все снова идет на приступ. Марс никогда не дает нам успокоиться, прежде чем мы не завоюем нашего места в мире и действительно не исполним нашей задачи.

Но Марс может вызвать и стремление к созданию движения и переустройства, чего бы это ни стоило. Часто даже добрые вещи подвергаются резкой критике, чтобы только оправдать радость от крайних действий. Это стремление может многое уничтожить, будь то собственный труд или труд других.

Влияние Марса может вырождаться в грубейшую форму господства и завоеваний, чьим жертвам нет числа.

Марс создает также стремление суггестивно влиять силой слова. С помощью зажигательных речей, злоупотребления лозунгами и сенсациями оказывают влияние на волю окружающих и увлекают за собой.

Юпитер дарует силу для сохранения хладнокровного видения происходящего во всех ситуациях и даже среди наибольших трудностей не позволяет потерять из виду связи с глубоким смыслом вещей. Это дает подлинную способность к руководству в широких масштабах и делает возможным соединение многих людей под знаком великих идей. Этим достигается порядок там, где в ином случае противоположные силы уничтожили бы друг друга.

Если человек с большими силами Юпитера не готов поставить себя на службу высшим общественным интересам, от него будет исходить большой холод. Трудно будет тогда почеловечески приблизиться к нему, потому что он использует все, что усиливает его собственное существо, но не обнаруживает склонности к осуществлению чего-либо совместно с другими. Это может дойти до того, что он будет оказывать парализующее влияние на всю активную жизнь вокруг себя.

Силы *Сатурна* лучше всего действуют там, где необходимо поддерживать важные традиции или где должны неискраженными оберегаться великие духовные импульсы.

Сатурн дает нам возможность постоянно сохранять связь с первопричиной вещей.

Но если существо сатурнического типа не исполнено большим духовным содержанием, оно может впасть в самое мрачное состояние и поддаться влечению к осуждению всего вокруг себя.

Ему не только будет удаваться разделять чувства ближних, но у него будет также быстро появляться чувство обделенности счастьем по сравнению с другими. Что бы ни рассказывал другой, у него в качестве реакции будет сразу возникать мысль: «а я?»

Зависть может стать дурным даром Сатурна.

4. Планеты как инспираторы подлинного искусства жизни

Для упражнения в искусстве жизни в истинном смысле слова нужно не только в определенной степени уметь видеть мир, но нужно прежде всего понимать, каким образом определенные образы действия могут стать ключом к определенным ситуациям. Поняв

рассматриваемые здесь связи, вполне возможно по собственному желанию вести себя в стиле различных планет.

Лунный стиль будут применять, оказавшись перед необходимостью активизировать или усилить жизненные силы в той или иной области. Основание для действительного успеха в каком-либо деле всегда лежит в повседневности, в том, что является именно таким, каким оно было всюду и всегда, в чем идея остается совершенно на заднем плане, как это имеет место у зародыша или почки. Наибольшего здесь достигают с помощью простейших приемов, которые знакомы до скуки и которые один может осуществлять так же точно как и другой. Желание пережить в этой области что-то особенное, как правило, приносит вред. Речь идет не только о повседневной профессиональной работе, которая помогает создать основы для совместной жизни, речь идет также не только о питании и обеспечении семьи – нечто в этом роде необходимо и для нашей внутренней жизни. Действительно гармоничное, внутреннее развитие и рост человека должны всегда базироваться на чем-то таком, что можно назвать самым тщательным уходом и питанием, на внутреннем «вращивании». Только с помощью простых упражнений, которые, однако, должны выполняться с естественностью повседневной работы, служащей поддержанию жизни, и посредством весьма регулярного, интенсивного изучения можно заложить основу для сильного роста. Эти упражнения могут вызвать в конце концов такой избыток внутренних сил, что порой он будет прорываться в блистательной продуктивности. Последнее, быть может, – это то, чему мы должны были бы учиться у обильного, чарующего цветения и столь благословенного плодоношения кактусов.

Так бывает всегда; кто хочет вкусить от изобилия земли обетованной, должен взять на себя полное лишений, монотонное странствие через пустыню.

Каждый человек имел высшую точку в своей жизни. Один раз это была, быть может, особая встреча с другим человеком, другой раз – захватывающий внутренний опыт или пламенный призыв к определенной задаче, исполнение которой требовало большого терпения и выдержки. Действительно сохранить верность таким вещам – большое искусство. Для этого требуется стиль Сатурна. То, что было однажды, должно непрестанно призываться с той же реальностью и пылом, какими они были в первый момент пережитого.

Такое поведение по отношению к ближним имеет высочайшее значение уже потому, что большинству людей сегодня лишь на короткое время удается выразить их истинное существо в их образе жизни. Необходимо сохранять верность каждому, памятуя о моменте, когда он был таким, каков он действительно есть. Если у такого человека позже произойдет глубокое падение, то все-таки как его подлинную действительность следует удерживать в себе его более ранний образ, а не только критиковать более поздний. Конечно, это не значит, что надо позволять дурачить себя мнимым образом во внешней жизни. Речь идет о внутреннем культивировании того, что однажды признали за истинное и чему хотят оставаться верны, даже если другой отрекается от этого в себе. От такого поведения может исходить могучий призыв.

Не менее важна верность своему собственному существу. Необходимо постоянно оглядываться назад и соизмерять то, что действительно совершили, с тем, что переживали в те высочайшие мгновения, о которых мы говорили. При этом надо быть очень строгим к себе и тщательно прислушиваться к тому, что говорит совесть. Только так можно сохранить высокий уровень своей жизни, только благодаря этому возможно всегда быть самим собой, даже при обстоятельствах, столь однообразных и тяжелых, что до нас не доносится из них никакого зова.

Такая верность высшему в другом и в самом себе хранит одновременно связь с нашим истоком, с Божественным, от которого мы все произошли.

В этой области каждый должен быть священнослужителем, чтобы все снова в некоем внутреннем культе самоотверженно праздновать единение с высшим.

Всюду, где совместная жизнь и совместный труд людей грозят застопориться, следовало бы применять стиль Меркурия. При соответствующем ему поведении, не знают

тягот и неразрешимых проблем. Тогда бывают полностью проникнуты убеждением, что успех всегда будет зависеть от правильного взаимодействия. Хотя у каждого есть слабости, мешающие ему и другим, но каждый имеет и свои способности, которые в общении могут иметь больше значения. Все дело в правильной комбинации, слабости тогда уже не играют роли, и при наличных возможностях достигается наилучшее. Мы вправе полагаться на то, что сообща мы имеем все, что необходимо. Все зависит, следовательно, от целеустремленного и умелого посредничества.

Меркурий постоянно инспирирует действовать подобно торговцу. Последний берет что-то у одного, чего у того слишком много, и передает другому, которому как раз этого недостает. Это уменьшает заботы каждого. И это дает каждому возможность сделать другому что-то хорошее, а тем самым также – что-либо хорошее для человеческого общения. Торговец тоже борется с тяготами и бременем жизни посредством сознательного посредничества.

Там, где должно быть выстроено сообщество и сотрудничество людей, которыми надо руководить, исходя из какой-либо всеобъемлющей идеи, должен применяться стиль Юпитера. Но тогда уже никогда нельзя терять из виду эту великую точку зрения. Надо уже в начале увидеть целое так, чтобы каждое действие вытекало из целого или каждый поступок включался в целое, уже заключенное в идее. Тогда к делу можно будет приступить систематично и целеустремленно.

Если совершенство в этой области достигнуто, то все устроится так, что каждый человек, желающий сотрудничать, найдет свое место, – место, в высокой степени соответствующее его наилучшим способностям. Этот сотрудник сможет быть тогда частью целого и одновременно оставаться очень самостоятельным. Если это состояние будет достигнуто у каждого участника, то это будет реализацией высокого идеала сообщества.

Давая руководить собой Марсу, всегда хотят властно осуществить вполне определенные вещи, в большинстве являющиеся лишь частными аспектами целого. Будучи руководимы Юпитером, непреклонно придерживаются целого, которое надо осуществить. То, что предпринимают, чтобы достигнуть этого, то есть работу по частям, делают спокойно и без пылких эмоций.

Марс, если он действует верно, служит более высокому; Юпитер поднимается до более высокого.

Стиль Марса необходим там, где речь идет о том, чтобы в служении духовному исполнять свои задачи с силой, необходимой для прокладывания пути.

Для этих задач нужно быть одушевленным величайшим боевым задором, надо пустить в ход всю свою личность во имя своего убеждения, надо вести себя так, как если бы собственное благополучие и дальнейшее существование мира зависели от осуществления именно этого.

Тогда во всякое время и при любых обстоятельствах будут стоять наготове послушные, как рыцарь Храма, который в каждое мгновение, днем и ночью, мог быть послан для осуществления и исполнения какой-либо миссии.

Силы Марса помогают нам во всем, что должно быть исполнено тотчас и с огромным усилием.

Стиля Венеры будут искать, когда речь пойдет о достижении высшего пункта в жизни. Стремясь быть открытым высшему, религиозным откровениям или также божественным инспирациям в художественной области, надо быть готовым к столь полному самоотречению, чтобы как бы вспыхнуть в том, что опускается из более высоких областей.

Если хочешь поднять дух к мгновению полнейшего откровения, то это станет возможно, только если воодушевление охватит тебя подобно могучей буре.

7. К солнечному стилю будут взывать, желая помочь ближнему в осуществлении смысла его жизни. Тогда попытаются вникнуть или хотя бы ощутить то, что как скрытое ядро живет в другом, и со всей силой и мудростью будут стремиться достигнуть вместе с ним того, чего, в сущности, он хочет, но чего он большей частью не сознает

Сострадание известно как глубокий моральный импульс, сострадание к другим в совместной жизни с ними. Со-воление требует большего. Со-страдание – это скорее сопереживание душе другого даешь жить в самом себе. При истинном со-волении даешь чему-то из самого себя жить в другом, предоставляешь в распоряжение другому силу, которую он может применить в соответствии со своим собственным существом. Этот импульс может развиться настолько, что возьмешь на себя участь другого, чтобы облегчить ему его ношу. Но может быть также возьмешь на себя весьма трудное внутреннее развитие и с большой силой будешь искать нового пути, чтобы повести по нему другого.

Этим стремлением к со-волению полон истинный воспитатель, а также священник, поскольку он печется о душах, и также истинный врач.

Наш непосредственный образец в этой области – Христос. Он призывает нас становиться целителями в истинном смысле слова.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ И ИТОГ

Рудольф Штейнер часто указывал на то, что наука должна подняться из сферы застывших форм в сферу движения.

В ходе столетий человечество развило огромную способность к исследованию всего того, что находится в пространстве. Это имеет следствием поиск соответствующих методов объяснения и для областей, лежащих за пределами пространства, то есть поиск методов, которые не принадлежат к нему.

Переходя в сферу движения, – в чем мы упражнялись в этой работе, – находишь совершенно новые методы. Они открывают пути, на которых можно не искаженно, а истинным образом проникнуть в области, лежащие уровнем выше пространственной действительности. Тем самым проникаешь в область, где действуют силы, осуществившие труд творения.

Один из первых фактов, постигаемых там, – это то, что все связано со всем, что мир становится одним великим единством. Тем самым преодолеваешь массу разделений и разграничений, сковывающих в области формы,

Услышав это, многие читатели не захотят следовать далее, потому что побоятся утратить прочную почву под ногами. Но это не так. Каждый, кто серьезно углублялся в музыку, знает, что в этой области движения возможна величайшая точность.

Вступая в сферу, где движение – у себя дома, попадаешь в область, в которой, как в музыке, играют роль отношения между вещами, гармонии и дисгармонии; в область, где законы развития встречают тебя как могучие ритмы или так же, как мелодичные откровения. Там начинаешь вживаться в гармонию сфер, о которой говорили древние. Там не стоишь уже перед множеством обособленных вещей, но переживаешь Космос как одно великое звучащее целое. От планет и их сфер исходят звучащие движения, и все отзывается в существе Земли. Там не только небесные сферы, но и земная природа проникнута музыкой. Мыслимо ли что-либо более музыкальное, чем законы метаморфоза? Разве в каждом музыкальном произведении не заключены мотивы, возвращающиеся в постоянном превращении?

Все это нужно знать, чтобы действительно правильно оценить наш труд. Доказательства сделанных здесь утверждений едва ли где могут быть найдены. Ведь обычные доказательства принадлежат также сфере форм, от которой мы как раз хотим освободиться. Значит ли это, что мы отвергаем обоснование этих познаний? Нет, но здесь все покоится на узнавании мотива во множестве метаморфоз, на переживании гармоний и ритмов. Мы должны, следовательно, применять метод, обнаруживающий определенное родство с тем способом, каким строится работа в области искусства. При изучении этого труда необходимо будет поэтому считаться и с тем, что имеешь перед собой весьма сложное целое. Только посредством постоянного заглядывания туда и сюда, посредством сравнения между собой различных частей можно будет вполне углубиться в это содержание.

Кое-что из этих могущих гармоний можно изобразить в одной простой схеме. Она

может помочь приобретению определенной ясности при продумывании целого и указать плодотворные пути в изучении.

Чаще всего используемая схема – следующая:

Внутренние планеты Внешние планеты

Солнце

Венера.....Марс

Меркурий..... Юпитер

Луна..... Сатурн

Солнце выступает в качестве середины. То, что находится с обеих сторон на равном расстоянии от Солнца, находится в полярной связи друг с другом. В соответствии с этим, следовательно, кактус находится точно против хвойного дерева, но и человек, позволяющий руководить собой лунным силам, являет до частности образ, который противоположен образу человека, руководимого Сатурном.

В природных ландшафтах часто встречаются комбинации сатурнического и венерианского, юпитерианского и солнечного, марсианского и лунного. Альпийские растения и хвойные деревья растут вместе близ границы лесов. Области с умеренным климатом характеризуются лесами и пастбищами. На окраинах пустынь растут масличные растения и колючки. Может сложиться впечатление, что такие комбинации часто бывают и в человеческой жизни и, в сущности, являют благотворную картину.

Опять-таки иную планетарную связь находим отраженной в последовательности дней недели: суббота – Сатурн, воскресенье – Солнце, понедельник – Луна, вторник – Марс, среда – Меркурий, четверг – Юпитер, пятница – Венера. Здесь имеешь дело с отражением мощного ритма развития. Можно настоятельно рекомендовать сравнить рассмотренные типы также и в этой последовательности.

Теперь можно задать себе весьма прозаический вопрос: какая польза в том, чтобы вскрывать эти истины? Мы исходили здесь из скрытых законов, которые определяют весьма многое в человеческой жизни.

Но в то время как в природе все несет себя самого и сверх того объединяется в огромное, гармоничное целое, человек должен завоевывать свойственный ему уровень и, кроме того, вместе с другими людьми должен создавать всеобъемлющее целое. Если он не делает этого, тогда в нем сталкиваются весьма различные силы. Чтобы исполнить эту истинно человеческую задачу, нужно сначала прийти к таким познаниям, какие были выработаны здесь.

Можно поставить еще иной вопрос: зачем проделывать этот окольный путь через природу, чтобы узнать что-то о человеке? Разве нет более прямых путей?

Своеобразие человеческой жизни – в той мере, в какой речь идет о внутренней жизни – состоит в том, что она имеет в себе нечто беспорядочно текучее и на первый взгляд бесформенное. Но если исходить из таких строгих и относительно простых отношений, какие являют планеты и какие практически лежат в основе человеческой жизни, то можно будет обрести настоящий порядок и различие. А если, кроме того, еще выработать умение видеть, изучая жизнь растений, то научишься различать формы и в человеческой жизни.

Современное мировоззрение во всех областях, в том числе и в психологической, страдает от страсти к анатомическому рассмотрению явлений. И подобно тому, как с помощью морфологии, то есть учения о формах, открываешь в мире растений совсем другие законы, нежели с помощью анатомии, то есть расчленения, так и в психологии. Здесь тоже следовало бы достигать морфологии. Но это возможно, только исходя из определенных типов, как это мы сделали здесь, строя формы с помощью точной фантазии и постоянно сверяя их с действительностью. Следовательно, и здесь также надо применять художественные способности. Хотя типы представлены в действительной жизни, они никогда не обнаруживаются в чистой форме. Если хочешь выявить чистые типы, их нужно выстроить самому.

МЕТАМОРФОЗ РАСТЕНИЙ

Ты смущена, подруга, смешеньем тысячекратным
Этих, заполнивших сад, густо растущих цветов;
Множеству ты внимала имен, в твой слух беспрестанно
Диким звучаньем они входят – одно за другим.
Образы все – и подобны, и каждый от прочего все же
Разнится: в их кругу тайный заложен закон,
Скрыта загадка святая. О, если бы мог я любимой
В проникновенных словах тайну немедля открыть!
Пусть наблюдает теперь, как исподволь, мало-помалу
Вверх растение шло, цвет образуя и плод.
Произрастает оно из семян, лишь тихие недра
Плодотворящей земли в жизнь отпускают его,
Чтобы лучам светила, святого в извечном движенье,
Вверить нежнейший состав листьев, начавших расти.
Скромно сила спала в семенах; и прообраз начальный,
Замкнут в себе, лежал, под оболочкой согбен.
Корень, лист и росток бесцветны и полуразвиты;
Так незаметную жизнь холит сухое зерно,
Пухнет, кверху стремясь, доверяясь благодной влаге,
Вот внезапно встает из окружающей тьмы.
С виду прост еще появленья первого облик, Так означает себя
между растений дитя.
Вскоре затем пробившись, дальнейший побег обновляет,
Узел к узлу выводя, образ, возникший сперва.
Все ж он неодинаков; родится, разнообразно
Скроен – видишь ли ты, – каждый дальнейший листок:
Шире, либо зубчатей, раздельней в конце или в долях,
Сросшись, гнездились досель в органе нижнем они.
Определенное так выступает впервой совершенство,
Коим у многих пород милая изумлена.
В частых жилках, в зубцах, на тучно упитанной плоти,
Кажется, пышный побег волен расти без конца.
Здесь-то люгучей рукой сложенье сдержит природа,
Чтоб к совершенству его нежно направить потом.
Меньше соку она по суженным гонит сосудам,
Нежность хлопочущих сил формой запечатлена.
Медленно ток от краев развитых прочь отступает,
Жилка у черенка обрисовалась полней.
Но, безлиствен и скор, вздымается стебель нежнейший Образ
дивный возник, взоры влекущий к себе.
Вкруг кольцом один к другому расположился
В большем или меньшем числе листиков сходственных строй
Плотная, вкруг оси, образуется чашечка тайно,
Выпустит венчик цветной, жажда высшей красоты.
Так природа цветет в высоком полном явленье,
Член за членом творя в строгой чреде степеней.

Снова ты в изумленье, когда над постройкой из листьев
Разнообразных встает, зыблясь на стебле, цветок.
Роскошь, однако, хранит зарок творенья другого:
Да, окрашенный лист чует Всевышнего длань.
Вот сжимается он проворно; нежнейшие формы
Сияются парно расти, чтоб сочетаться затем.
Друг подле друга стоят в обнимку нежные пары,
Много строится их перед святым алтарем.
Резвый парит Гимен, и дивные благоуханья,
Густо и сладко струясь, все оживляют вокруг.
Пухнут врозь теперь ростки, несметные счетом,
Бережно в чреве сокрыв плод набухающий свой.
Здесь замыкает природа кольцо из сил вековечных,
Но приобщиться спешит новое тотчас к нему,
Так что крепкая цепь до скончания века продлится,
В целом все оживит так же, как всякую часть
Взор, любимая, кинь теперь на пестрые сонмы, Их мелькание
впредь с толку тебя не собьет.

Каждое нынче растение твердит о вечных законах,
Внятней и внятней с тобой каждый цветок говорит.
Если ж твой взор искушен в письменах священных богини,
Их ты признаешь везде и в измененных чертах.
Робко ль ползет червячок, деловито ль бабочка вьется,
Сменит ли сам человек образ, каким наделен.
О, припомни тогда, как первый зародыш знакомства
Вырос невидимо в нас, милым обычаем став,
Как в глубинах душевных окрепшая дружба раскрылась,
Как, наконец, Амур создал цветы и плоды
Вспомни, как в разных чертах, раскрывшись тихо, природа
Поочередно дала образы чувствам живым.
Радуйся также и дню настоящему! Близко святая
Наша любовь к плоду высшему – общности чувств,
Общности взглядов, чтобы, в воззренье, согласном и
стройном,
Связь упрочив, чета мир высочайший нашла.[8]

1798

1

В пер. Н. Вольпин. – Гете И, В Собр. соч., т. 1. М., 1975. С. 460.

2

При слове «плод» здесь надо думать о научном понятии, а не специально о яблоке, вишне и т. п. Следовательно, имеется в виду орган растения, который построен из плодолистиков и в котором развивается семя.

3

Ища объяснения сильного цветения по способу исследователей прошлого столетия, совершенно проходят мимо понимания того, что в действительности происходит в растении.

Раннее и быстрое образование семян – это проявление заботы о сохранении вида вопреки неблагоприятным условиям. Это можно рассматривать в лучшем случае как полезное попутное явление, но не как цель или причину.

4

Там можно говорить о ползучих деревьях У нас некоторым подобием этого является жимолость. Ее можно было бы назвать ползучим кустом.

5

Лунная природа кактуса отчетливее обнаружится тем, кто знаком с антропософской литературой Луна описывается там как мир, в высшей степени обособившийся от остального Космоса. Также лунные силы имеют дело со всем, что является зачаточным.

6

На это можно было бы возразить, что мы без лишних слов проводим параллель между «веществом», из которого строится внутренняя жизнь человека, и веществом, из которого строится телесная жизнь у растения и в конце концов и у человека. Могло бы показаться, что мы пользуемся совпадающим применением одного слова как базой научного рассмотрения. Но здесь в отношении человеческого развития речь идет именно о том, что все, что разыгрывается в материальной области или что связано с материальным, поднимается на другой уровень. Те же самые силы, которые у растения выражаются внешне и служат построению формы, у человека служат не только построению его тела, но кроме того внутренне углубляются и используются для развертывания душевной жизни Применение слова «вещество» (StOff) у Шиллера вполне точное. Это никоим образом не образный язык. То, что указывается словом «вещество» и что перерабатывается человеком, есть более высокий метаморфоз «вещества», которое перерабатывается растением.

7

Э. Радлов переводит здесь die Person как «личность», но для этого оттенка в немецком языке есть другое слово – die Personlichkeit .

8

В пер. Н. Вольпин. – Гете И, В Собр. соч., т. 1. М.,1975. С. 460.